

попаванец

ПОПОВА

БАНКОВЫЙ БИЛЕТ

Червонен

Банковский билет

Красно

Ульянов

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Семин

Андрей Никонов

ПОЧТАЛЬОН

Попаданец (АСТ)

Андрей Никонов

Почтальон

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Никонов А.

Почтальон / А. Никонов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-153499-8

Может ли быть дело начальнику почты до нападения на пограничную заставу?
Может, если это Сергей Травин, бывший агент уголовного розыска, герой
Карельского фронта и просто равнодушный человек. Место действия –
старинный русский город Псков.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153499-8

© Никонов А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Никонов

Почтальон

Все персонажи и их имена, а также события, географические названия, детали быта, мест, технических устройств и методов работы правоохранительных органов в произведении вымышлены, любые совпадения, в том числе с реальными людьми, случайны.

© Андрей Никонов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Митрич, покарауль чуток, дай до ветру сбегать. – Молодой парень, рыжий, весь в веснушках, в очках с перевязанной дужкой, переминался с ноги на ногу, опираясь на винтовку. – Будь человеком.

Окоп был заглублён в землю на метр, с бруствером, скрытым под спёкшимся снегом, с бревенчатыми стенками и полом, выложенным кругляком. Он свободно вмещал пятерых бойцов, рядом с пограничниками на деревянных козлах лежали три дохи ушедших в патруль товарищей. Метрах в двадцати от укрытия по вырубке шла накатанная зимняя дорога, петляющая по лесу, весна в этом году припозднилась, но солнце, с каждым днём поднимавшееся всё выше, спекало снежную крошку в наледь. От окопа расходились протоптанные в снегу тропинки, по которым пограничники обходили территорию.

– Не положено, – Дмитрий Сомов, которого все в погранотряде называли просто Митричем, был старше собеседника, лицо его было прорезано глубокими складками, нос картошкой и пухлые щеки придавали ему простоватый вид. Шапку он снял, тёмные волосы растрепались, немного скрыв залысины. Митрич сидел на деревянном ящике на дне окопа и точил нож, рядом на ящике стояли термос и котелок, сложенные в стопку жестяные тарелки. – Тебя тут для чего оставили? Границу сторожить государственную, пока командир Миронов твоих товарищей ищет, а не ногами дрыгать, словно пиздрик. Граница, товарищ комсомолец, дело сурьезное, ну как враг пойдёт, а ты там выставил хозяйство напоказ вместо кулемёта. Хочешь до ветру, вон, на краешек отойди и пруди, не приведи увидит командир, что пост свой оставил, осерчает, а мне за тебя оставаться не положено, мы люди мирные, вот, еду разносим. И так с вами задержался.

– Живот бурчит, Митрич, войди в положение, ведь нет никого, – рыжий свёл колени вместе, чуть присел, скривился. – Обделаюсь прямо тут. Десять минут с винтовкой посиди, если что, пальнёшь.

– От ты какой шебутной, Петруха, – Митрич сплюнул. – Нечего жрать подозрительный продукт, да ещё дармовой. Вон, глянь, командир твой наконец-то возвращается с потерями, у него и отпрашивайся.

По протоптанной в глубоком снегу тропе через подлесок к наблюдательному посту гуськом шли трое, впереди щуплый человек в будёновке и коротком тулупчике, за ним ещё двое, поздоровее. До окопа им оставалось метров сто.

Петруха обрадованно закивал, скинул доху, вслед за ней, чуть не оторвав пуговицы – шинельку, отшвырнул винтовку и побежал в сторону возвращавшихся пограничников. Когда он перелезал через снежный завал, очки с красноармейца слетели, он подхватил их, нацепил, как были – заляпанные снегом, на нос. До своих Петруха не добежал метров пятнадцать, остановился, а потом бросился назад.

– Чужие это, – закричал он, съезжая на заднице в окоп. – Митрич, чужаки.

– Не гоноши, – Митрич вскочил с ящика, притянул Петруху к себе. – Какие чужаки?

– Да вон там, – тот вытянул палец. – Будёновка вроде наша, а человек чужой, рожа не евойная, не командирская, и остальные, смотри. Подмогу надо звать.

И потянулся за винтовкой. Митрич бросил короткий взгляд на приближающихся людей, качнул головой, всадил нож парню в спину чуть ниже рёбер. Пётр дёрнулся, почти ухватил оружие, и тут напарник ударил его второй раз, в шею, отскочил в сторону, чтобы не запачкаться стрельнувшей кровью. Красноармеец упал, засучил ногами, руками пытался протащить себя вперёд, царапая ногтями подмёрзшее дерево, но быстро затих.

Тройка людей тем временем добралась до окопа.

Двое – кряжистые, в коротких меховых куртках и валенках, очень похожие друг на друга чертами лица, словно родственники. Одному на вид было хорошо за сорок, другой – лет на десять, а то и пятнадцать моложе. У старшего рваный шрам шёл через левую щёку и ухо к затылку. У младшего на плечах висели винтовки, две штуки.

Третий, шуплый, в будёновке, уселся прямо на снег.

Мужчина с винтовками вложил в рот три толстых пальца, заливаистой трелью разрезал морозный весенний воздух, сделал паузу, повторил. Через пару минут на дороге со стороны границы показалась гружёная телега, за ней вторая, третья. Обоз шёл споро, полозья легко скользили по укатанному насту. Тем временем старший спрыгнул в окоп, потыкал ногой труп.

– Молодец, – сказал он, – чисто расписал.

– Да уж как получилось, – ответил Сомов. – Только уж, Фома, не договаривались мы на это. Должен я был проследить, чтобы задохлик не сбёг, а мочить красных ваша забота.

– Накину за него тебе ещё пятьдесят червонцев, – человек со шрамом кивнул. – Твой папан покажет, где они, что говорить, помнишь?

– Не дурнее других, – Митрич обиженно засопел. – Мы, чай, не совсем обделённые умишком на себя валить, что сговорено, расклад дам. Только пусть хозяин твой не обидит сиротиношку, выдаст, как обещал.

Старший бандит кивнул, вылез из окопа, цепляясь перчатками за мёрзлую землю, и направился к приотставшей последней телеге. Младший ушёл за ним, подхватив винтовку погибшего пограничника.

– Силён ты, дядя Митяй, пырнул как его. Художественно, – парнишка спрыгнул вниз, уважительно покивал, помог оттащить тело красноармейца к бортику. – А тех как почикали, я и пикнуть не успел, на дереве сидя, Фома с Фимой под снег спрятались, простынёй накрылись, с двух шагов не увидеть, а потом вскочили и раз-раз, те сдохли и не поняли ничего. Дождались командира вашего, тот, правда чуть не выстрелил, но не успел. Пойдём? Тут с полверсты будет до них.

– Вот ты трепло, Пашка, язык без костей. Идём.

– А чего ты его сразу не почикал, малого этого?

– Дурак ты, договорились, что эти двое сами всё сделают. По нужде пришлось, энтот-то хлюпик признал, что ряженые вы.

– Глазастый, хоть и в стекляшках, – парнишка сплюнул на труп пограничника. – Дядя Митяй, правда, я хорошо сыграл?

– Ты, Пашка, прямо вылитый Миронов, упокой душу этого дохляка. Если б не знал, сам вас за блохачей принял, – Митрич вытер пот со лба. – Перо не трожь, здесь оставим.

– Так ить справное, дядь Мить.

– Потом в чека зайдёшь, потребуешь, – Сомов бросил последний взгляд на залитый кровью наблюдательный пост. – Там тебе и перо дадут, и другой какой коленкор.

– А вдруг как тебя наградят? – Пашка легко запрыгнул вверх. – Авось медальку повесят.

– Нет у этих нехристей медалей, – Митрич сплюнул, полез вслед за Пашкой на тропинку. – Только орден, и тот один, поганый, со знаками сатанинскими. Сучи ногами, рванина. Вот ведь удумали диспозицию, значит, я их нахожу, кричу, вдруг какой дурак откликнется, бегу опять сюда, вдругорядь кричу и бегу на ближайший пост за подмогой, будто нельзя было абы какой наган оставить, чтоб я пальнул. Ладно, что не сделаешь ради прокорма, ты-то сразу смывайся, в избе меня жди, и будёновку рядом с Мироновым скинуть не забудь, командирская.

Глава 1

Апрель 1928.

Город Псков, Ленинградская область, РСФСР

Каменное двухэтажное здание под номером 7, выходящее торцом на улицу Советская, бывшую Великолуцкую, было выстроено архитектором Иваном Ивановичем Альбрехтом для статского советника Брылкина, где тот и проживал некоторое время со своей супругой и тремя детьми. Дом неоднократно перестраивался и к тому времени, когда его занял Псковский почтамт, был исполнен в чисто классическом стиле. Над цоколем с окнами-бойницами возвышался парадный этаж с балконом и высокими окнами со сдержанной отделкой. Треугольный фронтон с двумя женскими фигурами в обрамлении цветочного орнамента и изящные балкончики приносили в его облик долю буржуазного кокетства.

Справа от почтамта, между ним и Домом Красной Армии, были видны остатки поста-мента памятника Александру Второму Освободителю, снесённого революционным народом в 1919 году, а слева стояли здание бывшего Коммерческого банка, которое теперь занимала типография «Псковский набат», и Центральные торговые ряды, в которых до революции держал музыкальный магазин Абель Абрамович Зильбер, отец известного советского писателя Вениамина Каверина, одного из авторов недавно нашедшего романа «Большие пожары».

Советская власть занималась переименованием улиц, городов и даже стран масштабно; буквально за десять лет географический облик Пскова изменился, улицу Спасскую переименовали в Детскую, Успенскую в Калинина, а Великолуцкую, на которой стоял почтамт, в Советскую. Заодно прежнее булыжное покрытие с некоторых улиц убрали, для предстоящего ремонта, а другие, при самодержавии – непролазные, наоборот, замостили.

В половине седьмого вечера пятницы, тринадцатого апреля в дверях Псковского почтамта появился молодой человек высокого роста и могучего телосложения, в кожаной куртке с барашковым воротником и брюках, заправленных в высокие кожаные ботинки, в руках он держал потёртый кожаный портфель. Молодой человек коротко кивнул часовому в потёртой шинели и видавшей виды будёновке, спустился по ступеням. Следом за ним вышла молодая женщина в заячьем полушубке, фетровой шляпке и с брезентовой сумкой через плечо. Она зябко повела плечами – погода в середине апреля стояла мартовская, ночью морозы опускались до минус десяти по Цельсию, или до минус восьми по дореволюционному Реомюру.

– Значит, до вторника, Сергей Олегович?

– До вторника, Глаша. Отдыхай, набирайся сил.

– Куда уж, – Глаша похлопала по сумке, – ещё девять писем, четыре газеты и три журнала, сегодня уже не понесу, а завтра, перед Пасхой, отдам, тогда и отдохну. В городе будете али куда уедете?

– Куда же я денусь, – Сергей улыбнулся. – Завтра поезд приходит с корреспонденцией из Ленинграда, учётчики выйдут, кто сможет, кассир тоже никуда не денется. А потом снова пошло-поехало, народ отгуляет и в понедельник потянется с письмами. Да ещё телеграфисты опять закидают спецбланками, придётся нарочных вызывать, без меня никуда.

– Совсем вы себя не бережёте, – Глаша стрельнула глазами.

Новый начальник окрпочтамта Сергей Олегович Травин, не в пример старому, был человек видный и привлекательный, сотрудиц за мягкие места не хватал, липкими руками под платья не лез, но и монахом, по слухам, не жил, крутил шашни с местной учителькой. Правда, поговаривали, не всё между ними ладно. Не будь у неё самой ревнивого хахалы из таможенного управления, она бы за этим товарищем Травиным приударила всерьёз, окрутила бы так, что

никуда бы не делся. А так максимум, на что она могла рассчитывать, так это на небольшую интрижку, тут Глаша была мастерицей.

– Приходите в клуб Урицкого, там мы нашу, комсомольскую пасху будем отмечать, – сказала она, – ну и те, кто рядом работает, подтянутся, начальство опять же. Будет весело, сначала от комитета партии Роберт Баузе выступит, потом от комсомола Витя Мирошкин, ну а после будут танцы и чай с калачами. И лимонад, говорят, минводзавод новый выпустил, крем-сода, обещали напоить.

– Непременно такое веселье не пропущу, – пообещал Сергей. – Заодно прослежу, чем вы там в нерабочее время занимаетесь.

– И зазнобу вашу приводите.

– Постараюсь, – Травин улыбнулся. – Хотя зачем, столько молодых и красивых девушек будет, вон как ты, а я со своим самоваром.

Глаша кокетливо улыбнулась, мысленно похвалила себя и пошла прямо, на Октябрьскую улицу, чтобы, свернув потом налево, выйти за Окольный город к Пролетарскому бульвару. Сумка почти не оттягивала плечо, обычно почтальоны разносили газеты и письма до обеда, но эта суббота пришлась на Страстную, в почтовой конторе останется только дежурная смена – так товарищ Травин называл тех, кого заставлял по составленному им графику работать в выходные, а значит, и завтра, и в воскресенье, на Пасху, никто корреспонденцию горожанам не разнесёт. Поэтому она забрала те адреса, что были от неё неподалёку, остальные почтовые работники поступали так же, сначала из-под палки, а потом втянулись, и соседи им уважение за это оказывали, да и перепало иногда или монеткой, или продуктами, если письмо важное или журнал интересный.

Собственная трамвайная линия у Пскова была ещё со времён самодержавия, но ей в основном пользовались приезжие, да те, кому надо было добраться с одного конца небольшого по размерам города до другого. Первый маршрут, соединявший вокзал и слободу Белинского, шёл в сторону скотобойни через мост, а второй по улице Алексеевской доходил до полотняной фабрики. Рядом с торговой площадью, буквально в двух шагах от почтамта, два маршрута трамваев соединялись. Сергей общественным транспортом пользоваться не стал, во-первых, погода действительно была хоть и прохладная, но всё равно весенняя, а во-вторых, зачем отдавать гривенник кондуктору, если быстрым шагом можно вполне дойти до дома за десять минут.

Он вышел на Советскую улицу, свернул налево, миновал бывшее пожарное депо с пристроенной каланчой и правление лимонадного завода, в лавке напротив окружного суда купил жестяную баночку чая, фунт ветчины, четверть фунта сливочного масла, бутылку молока, кулёк мармелада фабрики «Симон» и два калача, спустился по улице Урицкого, обогнул здание первой единой трудовой школы, в которой служила его почти уже бывшая подруга сердца, на секунду притормозил, решая – зайти или не зайти, решительно мотнул головой, перешёл на бывшую Георгиевскую, ныне Калинина, и, пройдя немного по ней, постучал в окно первого этажа дома номер девять.

– Граждане Кикоины!

Через некоторое время створка чуть приоткрылась, а потом настежь распахнулась, на улицу выглянула растрёпанная женщина в цветастом халате.

– Ох, это вы, Серёжа. Я уж думала, кто из чужих ломится.

– Свои. Держите, письмо от сынка вашего.

Женщина протянула руку,хватила конверт.

– А шейнем данк. Чаю не хотите с берцелем? Только вчера испекла.

– Домой тороплюсь.

– Ну тогда зай гезунд. И скажите Любе, чтобы домой шла немедленно.

– Обязательно, – Травин не успел на шаг отойти, как окно с треском захлопнулось.

После Баториевого пролома город перетёк в Алексеевскую слободу, по левую руку, в направлении завода «Металлист», виднелись высокие здания и производственные трубы, а по правую, до реки Великой, раскинулась типичная русская деревня – с одноэтажными бревенчатыми домами, курами, огородами и банями, которые топили по-чёрному. Один из таких домов достался Травину, считай, почти задаром, за один бумажный червонец в месяц – владелец, работавший на пивоваренном заводе, прошлой зимой утонул, унаследованный дом поделили между собой два сына. Младший уехал на заработки в Ленинград и возвращаться не собирался, а старший жил в соседней, через забор, избе. Наследство продавали, но численность псковского населения, выросшая за последние несколько лет, замерла и даже уменьшилась, те, кто помоложе, перебирались в областной центр, пожилое поколение от отсутствия жилья не страдало, поэтому покупателей пока что не было. Вот и пустили жильца из приезжих, чтобы зря имуществу не пропадать, и не пожалели, правда про себя перешёптывались, что глуповат – чужой дом за свой счёт принялся ремонтировать, стены конопатить да полы перетягивать, даже малую печку переложил, разве ж с посторонним имуществом так поступают. Но чего ещё от этих приезжих из Москвы ждать, лопухи.

Пятистенок делился на две части – тёплую и холодную. В центре тёплой части стояла огромная печь, у окна – стол с тремя стульями, у противоположной стены ещё один стол с примусом, шкаф с резными шишечками, комод и сундук, два дальних угла были выгорожены дощатыми стенами. В холодной части между хозяйским сеновалом, который в апреле уже опустел, и ещё одной небольшой печью стоял мотоцикл с коляской и гордой надписью INDIAN на бензобаке, в ближнем углу – двухпудовая гиря Песковского литейного завода, под балкой висел мешок с песком. В дальнем углу под деревянным люком был устроен ледник.

В тёплой части за столом сидели две девочки, одна лет восьми-девяти, светловолосая, в полосатом платье, и вторая постарше на несколько лет, с тёмными волосами и карими глазами, они листали толстую книгу, перешёптывались и смеялись. Рядом лежали исписанная наполовину тетрадь и учебник арифметики Рашевского.

– Привет, дядя Серёжа, – светловолосая девочка вскочила, забрала покупки. – Я кашу пшённую сварила. Что ты принёс? Ветчину? Ух здорово, а то мы тебя ждали, аж живот сводит.

– Клади всё на стол, – Сергей прошёл в свой отгороженный угол. – Люба, твоя мама сказала, как я тебя увижу, отправить домой.

Темноволосая приподнялась.

– Не торопись, я до дома ещё с полчаса буду идти, а то и дольше, ешьте, меня не ждите. Никто не заходил?

– Варвара Алексеевна не заглядывали-с, – светленькая девочка лукаво улыбнулась, Люба прыснула. – Дуются. Только, дядя Серёжа, если ты с ней не помиришься, она мне опять «посредственно» будет ставить, а я всю таблицу умножения выучила и задачи правильно решаю. А так получается, что Люба со мной занимается зря.

– Оценки, Лиза, не главное, – Травин положил в портфель полотняные штаны, фуфайку и банное полотенце. Общественные бани работали до девяти вечера, стоили двадцать копеек, но, если сунуть сторожу сверху гривенник, можно было хоть всю ночь плескаться. – Главное – как ты свои знания сможешь применить.

– А я стишок новый выучила, про тебя, – похвасталась Лиза. – Рассказать?

– Давай, – Сергей пошарил в комод, мыло заканчивалось.

– Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне, с цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке? Это он, это он, дядь Серёжа почтальон.

Сергей засмеялся. Этот стишок он в детдоме учил. Точнее говоря, будет учить лет через семьдесят. Воспоминания подступили и так же быстро отхлынули, вызвав приступ головной боли.

В детдоме в России, только не советской, а вполне капиталистической, в 1997 году его звали Женей Должанским, а шесть лет назад он оказался в этом времени в теле контуженого и практически мёртвого красноармейца, Сергея Олеговича Травина. Это – почти всё, что он мог припомнить без прострела в голове, доводящего до потери сознания. Образы прошлой жизни и Травина, и Должанского всплывали временами, реагируя на те или иные события, и он старался не ворошить в памяти то, что, кроме газет и ламповых радиоприёмников когда-то, есть интернет и телевидение, что люди могут летать не только на дирижаблях, но и в космос, и что у прежнего Должанского не было одной ноги после одной неприятной заварушки в маленькой тропической стране. А вот стишок всплыл, как и образ учительницы начальных классов. Сергей усилием подавил попытку вспомнить её имя и фамилию, поморщился.

– Опять голова болит? – Лиза посмотрела на настенный шкафчик с аптечкой, где рядом с жестяной баночкой аспирина стоял пузырёк лауданума.

– Пройдёт, – Травин покачал головой из стороны в сторону, покрутил, разминая шею, боль это не снимало, зато помогало отвлечься, – пропарюсь, и пройдёт.

– А наш учитель трудового воспитания, – девочка разложила кашу по тарелкам, – говорит, что часто мыться – вредно.

– Чуковского наизусть учить заставлю, – пообещал Сергей. – «Мойдодыра».

– А я знаю, знаю! – Лиза забралась на стул и начала декламировать: – Одеяло убежало, улетела простыня...

– Всё, всё, верю, – Травин засмеялся, с тех пор как немота у девочки прошла, болтала она почти без умолку, навёрстывая упущенный год. – Великий умывальник убегает. А то баня закрывается, и мочалка его покусает.

Общественные бани номер четыре находились прямо на берегу реки Великой, рядом со сплавнями Двинолеса. На Страстной неделе посетителей было немного, кроме Сергея, ещё пятеро.

– Фомич здесь? – спросил он у мужичка, отпаривающего пятки в шайке с кипятком. – У себя? Как пар?

Тот кивнул на дверь в парную, поднял большой палец вверх.

Провинциальная медицина молодой Советской власти ещё не отряхнулась от суеверий прошлого и, по воспоминаниям Травина, не сделает это и через сто лет. Костоправы и знахари в глубинке были куда авторитетнее врачей, если заболел зуб, его заговаривали до черноты, и только потом рвали, привязав бечёвку к наковальне, большую голову лечили капустой и конским навозом. Им же растирали грудь при бронхиальной астме, лечили сыпь и снимали жар. Только особым упорством Советской власти достигалась победа над такими болезнями, как оспа, тиф, родовая горячка и чума, народ сопротивлялся изо всех сил.

Костоправ Прохор Фомич Мухин, в отличие от большей части своих коллег, был человеком просвещённым, шесть смен в неделю работал санитаром в морге при Второй псковской совбольнице, любил декламировать Ахматову, почти забытого Блока и модного Маяковского, а людей мял для души с четверга по воскресенье. За полтинник – меньше не брал принципиально, душа требовала. Мял качественно, со знанием дела, после парной тело становилось податливым, расслабленным, и массаж получался поистине целебным.

– Ну что ж, товарищ красный командир, приступим, – ростом костоправ был на голову ниже Сергея, в плечах на две ладони шире, мощными узловатыми пальцами мог пулю расплющить. – Засиделась жопа на начальственном кресле? Физический труд – вот что из аблизьяны человека сделало, не в кабинетах просиживать надо, в поле с косой выйти поутру, на зорьке, размахнуться, землю-матушку почувствовать.

– Сам давно в поле-то был? – Травин улёгся на высокую деревянную скамью, положил руки вдоль тела, а голову на сложенное полотенце. – Небось, только через реку те поля и видишь.

– Не всем такое счастье дано с природой слиться, – Прохор примерился, приложил ладони к лопаткам Сергея, нажал, позвонки хрустнули. – Запустил себя, гражданин начальник, а всё потому, что один ты, аки перст. Жениться тебе надо, как революция того требует. Слышал стишок Володьки Маяковского?

– Нет, – ответь Сергей по-другому, тот всё равно бы рассказал. Но ещё выпросил бы, откуда он его знает.

– Надо мной луна, – начал заунывно декламировать костоправ, – подо мной жена, одеяло прилипло к жопе, а мы все куем и куем детей назло буржуазной Европе.

И первый рассмеялся. Травин его поддержал, стишок и вправду был забавный.

Они познакомились во время Карельского восстания, Травин служил командиром взвода, а Прохор простым красноармейцем. Откликался Мухин исключительно на отчество, имя и фамилию предпочитал пропускать мимо ушей. Тому Сергею, из двадцать первого революционного года, это казалось естественным, а нынешнего не волновало – у каждого свои скелеты по шкафам разложены. Главное, что они вместе резали белофиннов, плохого ничего друг другу не сделали, спины товарищей прикрывали и от опасностей не убегали. После этого несколько лет Травин о нём ничего не слышал, и вот на тебе, столкнулся зимой лоб в лоб в мануфактурной лавке на Великолуцкой, она же Советская.

Уехав из Рогожска, Сергей некоторое время пожил в столице, понадеявшись восстановиться на старой работе, но в Московском управлении уголовного розыска шли чистки и сокращения, пришлось поработать вахтёром на фабрике «Красная заря», выпускающей трикотажные изделия. Лиза так и осталась с ним, после Гражданской архивы находились в беспорядке, в деле красного командира Ильи Сергеевича Артоболевского никаких указаний на близких родственников не было, возможно, они остались по другую сторону баррикад – в Гражданскую и не такое случалось. Так что девочку в очередной раз признали сиротой и снова поставили Травина перед выбором – опека или детская трудовая коммуна, а детские дома Сергей недолюбливал с детства. Опеку продлили быстро, один красный командир воспитывает дочь другого красного командира, это воспринималось как должное и вполне естественное.

В Москве, со стремительно прибывающим населением и очень медленно растущим жилым фондом, найти угол становилось всё тяжелее, койка в общежитии, которую Сергей раньше занимал, на него и ребёнка рассчитана не была, плата за отдельную крохотную комнату съедала чуть ли не треть небольшой зарплаты, а служебное жильё обещали дать не раньше середины следующего года. Выручали товарные станции, где всегда требовались грузчики.

– Езжай в провинцию, – посоветовал ему старый товарищ из угро, с которым Травин играл в бильярд по выходным, – там и места много, и еда под ногами сама бежит, а ставки почти такие же, устройшься по восьмому или девятому разряду. Сходи в наш отдел кадров, к Лосеву, помнишь его?

– Ну да.

– Ему постоянно разнарядки присылают, коли есть потребность в печах. У тебя ведь характеристика с прежнего места хорошая?

Характеристика была просто замечательная, Травин сам её напечатал на одном из бланков, прихваченных из кабинета Йоси Беленького, с такой характеристикой можно было прямо в Совнарком идти. Правда, непосредственно в Совнарком его не ждали, а вот Наркомпочтелю требовался ответственный сотрудник с опытом хозяйственной работы, правильного происхождения и поведения во время Гражданской войны. Ставка шла по прежнему двенадцатому, а теперь десятому разряду, выходило почти сто десять рублей, по провинциальным меркам

деньги совсем неплохие. То, что этот сотрудник ничего не смыслит ни в почтовых переводах, ни в распространении займов индустриализации среди подписчиков газеты «Псковский набат», окривая не волновало – раз уж кухарка смогла бы, при должном старании, управлять государством, то почему бывшему управдому, инспектору коммунхоза и начальнику гаража не руководить почтальонами и телеграфистами.

Так Травин и появился в Пскове под новый, одна тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Город ему понравился. С одной стороны, обжитой, губернский, с каменными особняками, мощёными улицами и даже трамваем, с фабриками и заводами, домами культуры, кинотеатрами, парками и садами, а с другой – небольшой совсем, всего-то тридцать тысяч с небольшим жителей, живущих в основном на участке, зажатом между двух рек – Псковы и Великой. И воздух здесь, несмотря на промышленность, был свежий, и рыба нажористая, и зайцы в лесу водились, только что не с кабана размером, ко всему люди тут жили приветливые и по-провинциальному неторопливые.

– О чём задумался, командир? – Фомич разминал пальцы. – Никак о мировой революции?

– О ней, – Сергей поднялся, голова словно и не болела никогда, тело стало лёгким и послушным. – Такой талант пропадает здесь, тебе бы в Москву надо, там озолотишься.

Говорил он это не в первый раз, костоправ только отшучивался. Вот и сейчас рукой махнул.

– Нежные нэпманские тела мять не для нас. Вот твою мышцу сгребёшь, чувствуется силушка народная, мощь, а там что, косточки хрупкие, чуть нажал, и тью, нет нэпмана. Ко мне тут артельщик ходит, из пришлых, петроградских, так визжит, словно дюшка, вот уж стыдоба-бища-то. Но упорный, собака, я с него пятёрку беру, не отстаёт ни в какую. Жёнку свою молодую притащил, эта шлында мне опосля первого раза проходу не даёт, говорит, всё брошу, мужа и детей его сопливых, берите меня всю, сбежим, мол, в Ленинград. А на хрена она мне сдалась, неужто окромя неё в Петербургах баб нету. Ну что, ещё парку? Пар сегодня хороший, дерево выдержанное, дубовое, Макар Пантелеймоныч своё дело знает, несмотря на все катаклизмы. Дуй в парную, погрей косточки минут десять, а потом опять на лежанку.

– Может, хватит? – Травин потянулся, лёгкость, посетившая тело, упорно не проходила. – Кто у тебя сегодня?

– Ещё одно начальственное тело из парткомиссии, его к десяти обычно «паккард» привозит, хоть и не гнушается Альберт Давидыч с народом побыть, но любит, когда народа этого поменьше. Так что ещё один заход, командир, и до следующей пятницы ты будешь совершенно свободен. И чист, как чекист.

Из двадцати семи оборудованных рабочих мест, разбросанных по двум этажам, подвалу и большому фойе Псковского окружного почтамта, в Страстную субботу было занято пять, две молодые девушки с комсомольскими значками на платьях разбирали новую корреспонденцию и раскладывали по ящикам почтовых отделений, одновременно регистрируя в толстых тетрадях, ещё одна, постарше, сортировала газеты и журналы на длинном столе. Помощник Травина, Семён Циммерман, тщедушный мужчина сорока пяти лет с карими печальными глазами, в вязаной синей кофте и неопределённо-серого цвета брюках, ожесточённо спорил с телеграфистом, зачитывая куски статьи Владимира Добровольского «Рывок к звёздам» из свежего выпуска журнала «Авиация и химия». Семён служил на почтамте ещё с дореволюционных времён, имел доступ ко всем доходящим до Пскова научным журналам, очень интересовался достижениями цивилизации, и из-за этого некоторые подписчики получали издания в потрепанном виде и с задержкой.

– Товарищ Циммерман, – прервал его Сергей. – Ты когда отвлечёшься от глобальных проблем современности, проверь списки адресатов в Моглино. Снова жалобы поступают – приносят письма и газеты не в те дома.

– Ничего я не с глобальными проблемами, – Семёна иногда сбивали с толку выражения нового начальника, прежний был проще и понятнее, – мы тут с Николаем обсуждаем, можно ли двигатель внутреннего сгорания на ракету поставить. Вот Добровольский считает, как и я, что в безвоздушном пространстве этого недостаточно будет, и ссылается на Циолковского. Коля, сейчас я тебе ещё кое-что почитаю, и ты поймёшь, что не прав. А списки, Сергей Олегович, я сверил, там родственники живут, фамилии одинаковые, и имена тоже, и приезжих много, особенно военных, вот в Моглинском отделении и путают. Да ты же сам там был в феврале, товарищ Травин, видел, что творится.

– Может, ещё раз съездишь?

– А толку? Нет, давай лучше ты. И вообще, ты ведь в клуб собирался? Так иди, я тут посижу.

– На пару часов, – Травин поднялся. – Покажусь и вернусь.

– Да хоть до завтра не приходи, – Циммерман потёр воспаленные глаза, – ничего тут не случится. Да, Авдотья Ниловна?

Та, что постарше, кивнула, не отрывая взгляда от разложенных стопками журналов, она шевелила губами, читая названия, и боялась сбиться.

– Эх, Семёна, разве ж я тебя без присмотра тут оставлю, с нашими красавицами, – Сергей снял с вешалки куртку, – за тобой глаз да глаз нужен, улетишь ещё с ними в космос на ракете с бензиновым мотором внутреннего сгорания, люди без журналов и газет останутся.

Девушки захихикали, одна из них, светленькая, с вздёрнутым носиком, чуть покраснела, бросила на Семёна короткий взгляд. И Семён покраснел, уткнулся в журнал, принялся водить пальцем по строчкам. Личные отношения подчинённых Сергея волновали мало, лишь бы на работе не сказывались, но этот намечающийся служебный роман имел все шансы в рабочий процесс вмешаться – жена Циммермана, женщина внушительной комплекции и плохого характера, работала в соседнем здании, в редакции газеты «Псковский набат», и могла эти отношения задавить физически вместе с влюблёнными. Терять помощника Травину не хотелось, Семён разбирался в почтовом деле куда лучше своего начальника.

От почтамта, где работал Сергей, до клуба было триста с небольшим шагов по мощёной булыжником мостовой. Клуб Урицкого находился в здании бывшей духовной семинарии рядом с церковью Николая Чудотворца, внутренние помещения, перестроенные новой властью, пытались изгнать из себя религиозное наследие, но оно то тут, то там себя проявляло – ангелами под потолками, крестами на дубовых дверях, изречениями на старославянском и древнегреческом вперемешку с силуэтами голых женщин, вырезанными на скамьях и партах.

Мероприятия, отрицающие Пасху, начались в полдень, комсомольцы и прочая молодежь из разных учреждений, которых здесь было в избытке, набились в бывшую семинарию битком. И не только молодёжь, хватало начальников средней руки, вышедших из комсомольского возраста, для которых это собрание было поводом провести день культурно. Сначала перед пёстрой аудиторией выступил секретарь Псковского окркома партии Баузе, уложившийся в десять минут – ёмко, образно и с латышским акцентом он рассказал о партийной работе на местах и о борьбе пролетариата за мировую революцию. Точно такую же речь он произнёс за полчаса до этого в центральном клубе ВЛКСМ, в час дня с ней же его ждали в клубе железнодорожников, там организацией угощения занимался пивной завод. Вслед за Баузе начальник окр финотдела Смирнов минут двадцать пытался связать один революционный тезис с другим, зрители было приуныли и хлопали вяло, но потом на сцену, затянутую кумачом, поднялся комсомольский секретарь Мирошкин и рассказал несколько анекдотов антирелигиозного содержания.

– Пусть они там празднуют свою Пасху, – заявил он в конце, – у нас своя есть, комсомольская. Старые порядки нам как корове седло и собаке пятая нога, поэтому, товарищи, будем есть, пить, веселиться и ниспровергать устои. Да? И не забывайте, ночью крестный ход, все комсомольцы должны быть на улицах возле учреждений культа и вести разъяснительную работу. Брошюры раздавайте, которые в коридорах лежат, проводите беседы, но чтобы никаких драк и бороды служителям культа не драть. Ясно?

Зал дружно согласился, Мирошкина сменили артисты из театра имени Пушкина с куплетами, в бывшей трапезной с утра расставили столы и открыли общественный буфет, самовары слегка подустали кипеть, завод искусственных минеральных вод прислал свою продукцию, а кондитерская фабрика – свою, ну и нехитрая мясная закуска от охотобщества на деревянных досках в самый строгий день поста вроде как бросала вызов религии, равно как и предстоящие танцы. Высокое начальство уехало, и веселью уже ничто не могло помешать.

Травин появился аккурат к тому моменту, когда артисты раскланялись, к слегка поредевшей аудитории вышли ребята из кружка самодеятельности завода напитков и бодро запели частушки на антирелигиозную тематику. Народ по одному-два человека потянулся из зала к кренделям и чаю, на первом этаже в платном буфете торговали водкой и пивом, многие принесли с собой натуральный продукт – жидкость разной степени мутности и крепости, и градус праздника подскочил на порядок. Комсомольцы старались как могли, в трапезной тренькала балалайка, в соборном зале стучали ложки, кто-то пытался подобрать на рояле что-то подходящее моменту, в просторном фойе на первом этаже трое сотрудников окрпросвета играли джаз на саксофоне, трубе и ударных.

Работники и особенно работницы почтамта тоже не обошли антипасху стороной, присутствия Травина они поначалу стеснялись и прятали стаканы, но потом одна из сотрудниц, бойкая Риточка, раскраснелась и потребовала выпить с ней на брудершафт.

– Как так можно, Сергей Олегович, – возмутилась она, когда тот взял стакан с лимонадом местного завода напитков. – Может, хоть сегодня?

– Нет, сегодня не получится, – Сергей подмигнул, выпил лимонад, поцеловал Риту в губы, та с готовностью ответила, потом побежала к подружкам, они хихикали и пытались на него не смотреть.

Сергей прошёлся по этажам, почти отбил от студенток педучилища, стайками шнырявших по коридорам, налил себе чаю в стакан, примерился к бублику с маком. Народу было много, и он спустился к буфету на первый этаж.

– Товарищ почтмейстер, – директор станции связи Соколов занял позицию у буфета ещё в полдень. – Вы избегаете! Па-апрашу!

– Ты же знаешь, Егор Кузьмич, – Сергей вздохнул, – я крепче кваса ничего не пью.

– Возражения не принимаются, – главный телефонист попытался чмокнуть Травина в щеку, но промахнулся, незлобиво махнул рукой и переключился на знакомого из окрстатуправления.

– Вот ведь черти, набрались изрядно, – слышался голос сзади. – Куда только влезает.

Травин обернулся – инженер типографии «Псковский набат» подобрался почти незаметно. Вадим Петрович Леднёв переехал в Псков из Ленинграда в начале февраля и жил неподалёку. Инженер, по его собственным словам, воевал на германском фронте, был отравлен хлором, комиссован в чине поручика, и изо всех сил старался выглядеть выдавшим виды отставным офицером. Идеально ровный пробор чёрных с сединой волос, строгая, с иголочки одежда, едва заметная хромота, нарочитая скупость и отточенность движений портились излишней суетливостью и болтливостью. Алкоголь Леднёв не употреблял, это их с Травиным сблизило.

– Выходной, отчего не выпить рабочему человеку, – пожал Травин плечами. – Вас-то как сюда занесло, в этот безбожный вертеп?

– Теперь, мой дорогой Сергей Олегович, модно быть атеистом, а христианином даже вроде как неприлично, к тому же мои подчинённые здесь, не стану же я их бросать одних, так сказать, на амбразуру зелёного змия. Да и супружница моя решила развеяться, разогнать тоску, буквально днями в город вернулась из экспедиции. Вы ведь не знакомы? Дарья Павловна, душа моя, позволь познакомить тебя с чудесным человеком.

Услышав имя, Травин вздрогнул. Воспоминания попытались нахлынуть, но ударившись о жёсткий самоконтроль, отступили. Жена Леднёва ничем не напоминала исчезнувшую Белову, невысокая, полноватая, с грубыми чертами лица, завитыми в локоны чёрными волосами и заметными усиками над верхней губой.

– Мы ведь в Ленинграде, в старой столице обитали, Дарья Павловна в театре служила, так бросила всё и примчалась за мной, как жена декабриста, – гордо сказал Вадим Петрович. – Смотрите, Сергей, не влюбитесь, я жутко ревнив.

– Постараюсь сдержаться, – пообещал Травин, заработав заинтересованный взгляд женщины.

– Сергей Олегович у нас по учебной части, – пояснил Леднёв. – Его дама сердца учит детей в школе, очаровательная девушка из бывших, большая умница. Вы ведь с собой её привели?

– Нет, – Сергей равнодушно пожал плечами, – мы расстались.

– Как же так? – инженер, казалось, разволновался, даже руками всплеснул. – Такая чудесная пара. Жаль, очень жаль.

– Обычное дело, – жена Леднёва презрительно усмехнулась. Голос женщины совершенно не подходил к тому, что она говорила и как выглядела – бархатный, терпкий, затягивающий в себя, он мигом перекрывал все недостатки внешности, у Травина даже мурашки по спине пробежали. – Одумается и вернётся, не переживайте, молодой человек. У нас, женщин, в голове черт-те что творится, иногда нужен хороший пинок, чтобы всё правильно улеглось. Верно, Вадюша?

– Да, – восторженно подтвердил Вадим Петрович. – Ох, Сергей, смотрите, не упустите счастье своё, хватайте, как я схватил.

Травин пообещал именно так и поступить и решил, что пора с весельями заканчивать. Глаша, которая сюда его так зазывала, сама не появилась, не то чтобы Сергей на что-то надеялся или планы строил, но был слегка разочарован. К тому же рабочий день ещё не закончился, съёжившийся коллектив требовал присмотра, мало что там Циммерману в голову взбредёт, устроит революцию в отдельно взятом почтамте.

Он вышел на улицу, застёгивая кожаную куртку на тёплой подстёжке.

– Травин? – невысокий человек средних лет стоял на углу почтамта, чуть покачиваясь. От него разило спиртным.

– Да.

– Сволочь ты, Травин, – незнакомец говорил с южным акцентом.

– Ещё раз такое скажешь, ударю, – предупредил Сергей. – Подумай, может, спросить чего хочешь полезное?

Тот вместо ответа икнул, опёрся о стену. У него был нос с выраженной горбинкой и густые сросшиеся брови, в сочетании с низкой верхней губой и широким выдающимся подбородком они выдавали уроженца одной из закавказских республик.

Травин обошёл его и направился к крыльцу.

– Погоди, – вдруг крикнул кавказец. – Стой.

– Что? – Сергей повернулся с предпоследней ступеньки.

Незнакомец стоял метрах в десяти, расставив но ги для равновесия, в руке у него чернел револьвер.

Глава 2

Травин открыл глаза, сознание было ясным и чистым, он отлично помнил всё до того момента, когда из дула пистолета вылетела пуля. Недавно, буквально прошлым летом, его уже пытались убить, после чего он очнулся, зафиксированный в кровати сотрудниками милиции.

– Тогда я тоже был потерпевшим, – пробормотал Сергей, усаживаясь на слишком мягком матрасе, тот вместе с пружинным основанием провисал, словно гамак. На этот раз его не привязали. – Вот что значит другой город и другие правила.

Кровати с никелированными шишечками стояли в два ряда, по шесть в каждом, широкий проход между ними был покрыт красной ковровой дорожкой. Возможно, это весна действовала на жителей Псковского округа оздоравливающе, но кроме Травина, в палате лежал только один пациент, точнее говоря, сидел и хлебал из тарелки.

– Здорово, браток, – радостно поприветствовал он Сергея, подняв ложку. Капли супа упали на заляпанную майку. – Ты как?

– Нормально, – Сергей не торопясь встал. В правом боку чуть тянуло, аккуратно в том месте, куда летом бандит ножиком попал, дышалось тяжело, толстая повязка на лбу норовила сползти вниз. – Вроде в грудь стрелял, а болит живот.

– Это с голодухи, видать, – жизнерадостный пациент часто закивал головой. – Меня тоже крутило, как бревном завалило на распилке, а сейчас вона, жив-здоров. Эй, ты ложись, я сестричку сейчас позову.

– Я сам, – Травин покачал головой, слегка надавил на печень. Острой боли не было, неприятные ощущения чуть усилились, да и только. Залез пальцем под повязку, нащупал ссадину. – Где она, твоя сестра?

– Комната ихняя справа по коридору, – сосед отставил пустую тарелку и пододвинул другую, с пшённой кашей, отломил от хлебной краюхи кусок. – А то я мигом.

– Справлюсь. День какой сегодня?

– Так ведь эта, светлый вторник, – охотно ответил пациент. – Значитца вот, разговляемся, понимаешь, пост кончился, можно и пожрать. Но лепила сказал, тебе пока нельзя.

– Придётся с ним серьёзно побеседовать, – Травин подошёл к двери, потянул её на себя. – Я без пропитания оставаться не могу.

На самом деле есть Сергею не хотелось до лёгкого чувства тошноты. Голова внезапно начала кружиться, используя стену коридора как опору, он кое-как добрался к полуоткрытой двери. В сестринской было пусто, на сколоченном из обструганных досок верстаке стояли подносы с марлевыми бинтами и бутылочки с прозрачной жидкостью, на письменном столе, покрытом тёмным лаком, две чашки в горошек соседствовали с тарелкой, на которой лежали нарезанный маленькими кусочками серый хлеб и почти целый бублик.

– Не вовремя я, – Травин развернулся, чтобы уйти, но тут к горлу подступил комок, в груди что-то сжалось, он опустился на стул. Сознание норовило ускользнуть и только напряжением воли держалось, перед глазами поплыли мушки, перекрываемые чернотой. – Что со мной творится?

Страх смерти он не ощущал, и не из таких передряг выбирался, хотя и в его будущее время медицина тоже была не ахти какой, а уж в первой трети двадцатого века загнуться можно было от любой болячки.

В комнату не торопясь вошла совсем молодая девушка в белом халате, увидев бледного, держащегося за грудь больного, она выбежала и вернулась почти тотчас с высокой женщиной постарше. Та быстро проверила у Травина пульс, осмотрела глаза, сунула в уши дужки стетоскопа и приложила металлический кружок к груди пациента.

– Нашатырь.

Сергей аж голову вздёрнул, когда ему сунули под нос пузырёк с запахом аммиака.

– Ну вот, сейчас станет лучше.

И вправду, голова чуть прояснилась, комок за грудиной начал исчезать, темнота от глаз отступила, он сжал и разжал кулаки, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

– Так и помереть недолго, – наставительно сказала врач. Она с трудом затянула на плече Травина резиновую манжету. – Кто вам разрешил по коридорам разгуливать? За такое, товарищ больной, мы вас быстро выпишем и отправим домой, здесь надо соблюдать порядки.

Говорила женщина громко, каждое слово било молоточком по голове, голос у неё был низкий и хриловатый, в нём слышались командные нотки.

– Домой, значит, домой, – просипел Сергей.

– Смотри, Наденька, какой шустрый, – женщина холодно улыбнулась, проверяя показания манометра, вернула стетоскоп на шею. – Домой он рвётся. Нет уж, товарищ... Как зовут больного?

– Сергей Олегович Травин, – без запинки произнесла Наденька.

– Нет, товарищ Травин, – непоследовательно сказала женщина, – домой вы не пойдёте. С таким давлением не ходят, а ползают. Кто его врач?

– Сергей Павлович.

– Доктор Иноземцев сегодня отдыхает по причине бурных праздников, лечить вас буду я. Где бумаги пациента?

– Сейчас принесу, – Наденька выпорхнула из комнаты.

– Спасибо, доктор, – Сергей попытался встать. – Если бы не вы, то всё, конец мне окончательный. Но теперь я полностью здоров.

– Не люблю таких больных, себе на уме, – женщина нахмурилась, на высоком лбу появилась вертикальная складочка. На вид ей было за тридцать, лицо с высокими скулами, крупным носом и пухлой нижней губой, большие чёрные глаза чуть косили, густые тёмные волосы доктор завязывала в пучок. – Я – Елена Михайловна Черницкая, с этой минуты ваш лечащий врач. А это значит, Сергей Олегович, что слушаться вы должны меня беспрекословно, если хотите выйти отсюда живым и здоровым. Ясно?

– Вы, похоже, пока не знаете, чем я болен, – Травин встал, голова всё ещё кружилась, но на ногах он мог стоять и медленно ходить.

В комнату вбежала Надя, сунула докторше папку.

– Обожди, – Елена Михайловна резко хлопнула рукой по столу, от этого жеста Сергей остановился, настолько он был неожиданным. – А ну сядь, сейчас выясню, что с тобой.

Травин усмехнулся и подождал, пока женщина быстро просмотрит несколько исписанных листов, но садиться не стал. Читала доктор, почти не двигая глазами и держа лист на вытянутой руке, словно охватывала текст целиком.

– Давайте сделаем так, – предложил он, когда Елена Михайловна принялась за записи по второму разу, – вы тут пока почитайте, а я пойду домой, и если вдруг мне станет плохо, вернусь.

– А давай, – женщина решительно мотнула головой. – Надя, готовь документы гражданина к выписке, видишь, он практически здоров. Ничего, что у него сотрясение мозга и сердце останавливалось два раза, еле с того света вернули, наблюдение необходимо, но пусть он лучше идёт и помирает. Так, товарищ Травин?

– Так, – Сергей кивнул. – Того света нет. И с чего бы это у меня сердце остановилось?

Вместо ответа женщина встала, подошла к нему со спины и ткнула кулаком в лопатку. Травина от боли аж качнуло.

– Это меня пулей так? – предположил он. – Странное место, вроде в грудь стреляли.

– Это вы так о ступеньку приложились, хоть и спиной, но ушиб миокарда налицо, шутить с этим не советую, а мозг, – сказала врач, – можно не проверять, нет его у вас, товарищ пациент.

– Вы у нас знаменитость, – Наденька принесла Травину тарелку с пшённой кашей и кусок хлеба с маслом, задержалась в палате, уселась на краешек кровати и смотрела, как Травин ест, – как же, из-за любви пострадали.

– Давай на «ты», – предложил ей Сергей, – а то каким-то пережитком буржуазного прошлого себя чувствую. Из-за какой любви?

– Так этот, кто в вас... в тебя стрелял, он же думал, что ты невесту у него увёл.

– Невесту? – С Варенькой Лапиной, учительницей Лизы, они расстались не очень хорошо, но это произошло буквально на днях, и никакого жениха у неё не было.

– Глашу.

– Какую Глашу? – тут уж Сергей ничего не понимал.

– Почтальоншу вашу, ну или кем она работает.

– Кассиршу.

– Да. В общем, она пропала.

– Так, – Травин внимательно посмотрел на Наденьку. – Ты с чего взяла, что Глаша пропала? Это раз. И второе, раз уж ты всё знаешь, расскажи-ка, почему в меня кто-то стрелял?

– Вот ты непонятливый, – Наденька прыснула, сморщила носик. – Сильно головой ударился о колонну, видать. Я же сказала, у Глаши был жених, который в тебя стрелял, потому что думал, что она с тобой сбежала. А потом оказалось, что не с тобой, и Лакоба уже два раза приходил извиняться, очень беспокоился, что ты помер.

– Лакоба – это жених? – уточнил Сергей.

Наденька кивнула.

– И следователь приходил, но только один раз. И ещё Фомич из второй городской заходил, санитар, очень они с доктором ругались, мол, лечат тебя неправильно.

– Так ты Фомича знаешь?

– Когда на курсах в морг ходили, там он нам показывал всё. Ой, и девочка твоя как узнала, что тебя ранили, так отсюда только на занятия и уходила.

– Лиза?

– Она.

– Я ей всыплю, – пообещал Травин. – Так что, ревнивец этот Глашу-то нашёл?

– Так нет же, пропала она. Следователь потому ещё и приходил, что ищут.

– Погоди, – Сергей отставил тарелку. – Как фамилия следователя?

– Матюшин Ваня. Иван Сергеевич. Он мой старший брат, – видно было, что Наденька своим братом очень гордится. – Только это секрет, ну про то, что Глашу ищут, никому не говори.

Травин улыбнулся – второй пациент лежал на кровати и храпел.

– Могила, – пообещал он. – А у брата твоего в здании окружного суда кабинет или в прокуратуре?

Из больницы Травин вышел только следующим утром, от Черницкой даже здоровые люди так просто не уходили. В кармане у него лежали выписной эпикриз и рекомендации на двух страницах. Пуля прошла по касательной, при падении Сергей ударился головой и потерял сознание, а потом, на следующий день, сердце начало работать с перебойми. Аритмия, по мнению докторши, могла вернуться в любой момент, Травину запрещалось резко двигаться, приседать, поднимать тяжести и волноваться. Есть полагалось сливочное масло, хлеб и каши, а мясо и рыбу ограничивать. Когда Сергей рассказал врачу про свою контузию, Черницкая вздохнула.

– Вам, Сергей Олегович, вообще надо вести себя очень осторожно. Повреждения мозга иногда даже на рентгеновских пластинах трудно заметить, но они есть и никуда не денутся, а ушибы сердца – ещё опаснее. Так и быть, отпущу вас, но чтобы в эту пятницу непременно

пришли ко мне на обследование. И если в груди колоть будет, боли, даже стеснение обычное, круги перед глазами – мигом к нам, не раздумывая.

Травин согласился, только чтобы поскорее из больницы выбраться, и решил, что вполне может своё обещание не сдержать. Но Елена Михайловна так не считала, она сделала пометку в тетради с красной дерматиновой обложкой, обвела запись красным карандашом и поставила восклицательный знак.

Окружная больница стояла между Красноармейской набережной и Интернациональной улицей, Сергей подумал было взять извозчика, но на улице потеплело, солнце припекало так, что он вспотел, добравшись до моста через Великую, а там до почтамта было рукой подать.

Сергей заглянул на работу и убедился, что Циммерман всё держит под контролем.

– Мы уж думали, всё, новое начальство ждём, а ты вон, жив-здоров, – Семён был всё в той же привычной кофте, он читал журнал «Звезда» с последней главой романа Юрия Тынянова, но ради такого случая его отложил, хоть и с неохотой. – Следователь к нам приходил вчера, Глашей интересовался. Что с ней?

– Да вот сам хочу выяснить.

– Загуляла Глашка, – авторитетно припечатала Марфа Абзякина. Женщине было за сорок, она пережила трёх мужей и всё про всех знала. – Не в первый раз, с Покрова, считай, держалась, но своё природа взяла. Ох и слаба она по мужской части, как нагуляется, объявится.

Остальные с интересом прислушивались, видно было, что в версию Абзякиной они хотят верить больше, чем в то, что с их коллегой что-то случилось.

– Вон, Зойка знает. Зойка, где твоя подруженция гуляющая?

Зоя Липкина заявила, что тоже не знает, где Глаша, но с Марфой согласна, есть за её подругой такой грешок, хотя с тех пор, как она с видным мужчиной из таможни связалась, вроде за ум взялась. Сам факт пропажи сотрудницы почтамта отошёл на второй план, все дружно начали обсуждать её моральные качества, Травин решил, что в этом он им не помощник.

– Забегу к следователю, потом домой – отлежусь, – сказал он Семёну. – А вам на разговоры даю десять минут, потом – за работу. И если жирное пятно опять в журнале поставишь, деньги подписчику возместишь.

Небольшие города удобны тем, что все солидные учреждения располагаются друг от друга в нескольких шагах. Выйдя из почтамта, Травин за две минуты дошёл до здания бывшего дворянского собрания, которое теперь занимал окрсуд, и выяснил, что следователь находится на очень важном и особо ответственном задании, а потому принять посетителя не может.

– Не положено, – заявил служащий суда, старичок с тонким горбатым носом и оттопыренными ушами, сидящий за конторкой при входе. – Это каждый начнёт от дела отрывать, а тут события государственной важности. Вы, гражданин, запишитесь, а потом являйтесь в назначенное время.

Травин спорить не стал, остался стоять, глядя на конторского сверху вниз. Служащий сначала уткнулся в бумаги, потом занервничал, украдкой бросал на Сергея тревожные взгляды, а когда тот осторожно опустил кулак на стол, сдался.

– Обедает Матюшин.

– Я подожду, – Сергей уселся на край стола. – У меня времени много.

Массивная, царских времён мебель угрожающе закрипела. Мимо проходили другие судебные работники, на отчаянные взгляды конторщика они не реагировали, Травину показалось, что служащие специально отворачиваются, а если и поглядывают на них, то со злорадством, искоса и по возможности незаметно. Милиционер, дежурящий у входа, вышел на улицу и обратно возвращаться не спешил. Служащегохватило на полторы минуты.

– Лучше не ждать, – сказал он, вытирая серым платком внезапно выступивший пот. – Вижу, гражданин, дело у вас срочное. Мало ли куда сразу поедет потом Иван Сергеевич, вы, если поспешите, то найдёте его в чайной, в Перовском доме.

Этот дом жителям Пскова был отлично известен. В одноэтажном деревянном строении с мезонином в середине прошлого века проживали псковский вице-губернатор Лев Перовский и его дочь Софья, убившая императора Александра Освободителя. Теперь в доме революционерки торговали продуктами и мануфактурой, в мезонине жил хозяин лавки с семьёй, а в правом крыле готовили еду из торговых остатков. Матюшину, несмотря на солидную должность, не было и двадцати, он сидел спиной к выходу, и Травина увидел только тогда, когда тот появился прямо перед ним.

– Искали меня, – Сергей уселся на свободный стул. Тот скрипнул, но выдержал.

– Вы же только что при смерти лежали, – следователь ел бутерброды с колбасой, отхлёбывая крепкий чай из стакана в металлическом подстаканнике. При виде Сергея есть он перестал, смахнул крошки со стола. – Простите, лучше бы в кабинете поговорили.

– Ничего.

– Может, возьмёте что?

– Не голоден. Что с моим делом?

– В принципе, дело почти закрыто, – Матюшин пригладил русые вихры, – осталось только вас допросить. Лакоба написал объяснительную, свидетелей произошедшего много, мы их почти всех опросили. Если бы вы умерли, то, конечно, легко он бы не отделался, но при сложившихся обстоятельствах прокурор максимум может потребовать 142-ю, а суд может и её не принять, потому что ранения не было фактически.

– Не было? – Травин усмехнулся.

– По всему выходит, что вы в момент выстрела отступили на шаг, поскользнулись, ударились головой о колонну, спиной о ступеньку и потеряли сознание. Пулевого ранения нет, куртка, то есть имущество, испорчена, ну и сам факт выстрела, а то, что головой вы ударились, это, конечно,отягчающее статью обстоятельство, но не решающее. Тут скорее вина коммунальщика, что песком поленились посыпать, а не Лакобы, хотя то, что он – причина вашего падения, никто не отрицает. Если вреда существенного здоровью нет, то штрафом ограничатся, суд во внимание ситуацию примет, да по партийной линии, наверное, его пропесочат, выговор вроде как обещались влить.

– Хорошо. А с Екимовой что?

– Да с ней всё ясно, говорил же Наде, чтобы язык свой за зубами держала, – сокрушённо вздохнул Матюшин. – Загуляла ваша сотрудница, дело молодое.

Травин улыбнулся.

– А как узнали, что загуляла?

– Так оставила записку, что уходит, вот этот Лакоба и взбеленился – в записке-то не указано, к кому, решил, что вы её увели. Родственников у неё здесь нет, все давно померли или уехали, живёт одна, точнее, с этим Лакобой, по его просьбе расследовали. Но в официальных отношениях они не состоят, Екимова сама за свои поступки отвечает, у следствия нет оснований её разыскивать.

– Значит, записку оставила? Сама написала?

Матюшин важно кивнул.

– Евсей Венедиктович, криминалист наш, уверяет, что сама, почерк сличили с ордером на вселение. Вы уж извините, товарищ, это дело следствия, я понимаю, вы лицо пострадавшее, но больше рассказать ничего не могу. Жду вас завтра в девять, вот повестка, – он вытащил из папки бланк, вписал дату и время, – много времени это не займёт.

– Хорошо, – Травин встал. – Вы же понимаете, что я за прогулы уволить её могу? А если человек и вправду в обстоятельства попал, пострадает впустую.

Следователь виновато улыбнулся, развёл руками.

Матюшин ни по каким особо важным делам после обеда не поехал, вернулся в суд, кабинет молодому следователю достался тесный и без окон, сделанный из бывшей кладовой, тусклая лампа на потолке давала обманчивое ощущение света, выручала настольная, с синим абажуром. Дело Травина за несколько дней переросло в увесистую папку, восемь свидетелей были опрошены, один подозреваемый – допрошен, к допросу прикололись пять листов характеристик из партийной ячейки, псковского таможенного отделения Наркомвнешторга, погранотряда и окркомхоза. Все как одна, словно под копирку, утверждали, что Леонтий Зосимович Лакоба был и остаётся верным ленинцем и отличным специалистом. Потерпевший Травин умудрился упасть возле почтамта, одиннадцать фотографий, на которых он выглядел совершеннейшим покойником, были сделаны телеграфистом до приезда кареты «скорой помощи». Опять же, у потерпевшего тоже были характеристики, и тоже такие, что хоть сегодня в окрсовет его и на доску почёта.

Рядом с делом Травина следователь положил другое, намного тоньше – Глафира Прохорова Екимова, девяносто восьмого года рождения, русская, из мещан, работница Псковского почтамта. В папке не было хвалебных характеристик, берущих за душу протоколов и жутких фотографий, только лист допроса Лакобы, записка, оставленная женщиной, и приколотый к ней отчёт криминалиста. Матюшин прикрыл глаза, с минуту сидел, откинувшись на спинку стула, а потом решительно положил одну папку на другую.словно соединил судьбы двух людей.

– Когда мне сказали, Серёжа, что ты почти умер, я почувствовала, словно и во мне что-то умерло, словно частичку меня положили в сырую землю. Иногда я думаю, что нас судьба связала, понимаешь?

Варвара Лапина стояла у окна, глядя куда-то вдаль, по мнению Травина, там ничего интересного не было, обычный деревенский пейзаж. Сам он сидел за столом и смотрел на неё. Тонкие черты лица с брызгами веснушек, большие густо-зелёные глаза притягивали к себе взгляд, платье по последней моде скрывало большую часть изгибов фигуры, но они были, это он точно знал. Несмотря на то что Варя было уже за тридцать, выглядела она гораздо моложе.

– Не драматизируй, – сказал он, – сейчас я жив и здоров.

– Но этот человек, который в тебя стрелял, жуткий, ужасный тип, он в следующий раз может не промахнуться, и тогда я тоже умру, – гнула свою линию Варя. – Если себя не жалко, подумай обо мне.

Последний раз, когда они виделись, она заявила, что между ними нет ничего общего и быть не может. Правда, это происходило не единожды, и обычно примирение заканчивалось в постели, после чего они снова терпели друг друга какое-то время. Такие отношения Сергея устраивали, несмотря на вздорный характер, Варя была умной и начитанной, они отлично проводили выходные – ходили в местный академический театр, где часто давала представление ленинградская труппа с Вивьеном и Меркурьевым, гуляли по городу – Лапина, которая родилась под Псковом, знала здесь каждый уголок и отлично умела рассказывать, ели блины на улице Троцкого и очень вкусные пельмени в небольшой чайной возле вокзала, смотрели фильмы в кинотеатре «Коммуна». Там же они в первый раз поцеловались, на картине Фридриха Эмлера «Парижский сапожник». Но прожить с ней всю жизнь – этого Сергей делать не собирался.

Варвара наконец отвернулась от окна, тряхнула рыжей шевелюрой, поводила глазами по комнате, следя за Сергеем и думая, что тот в этот момент решает, что должен сделать – упасть на колени и попросить прощения, или схватить в охапку и поцеловать. Обычно происходило второе, но она всё-таки надеялась на первое.

– О своей Глашке думаешь? – неожиданно грубо сказала она. Переход от экзальтированной барышни к циничной, выдавшей вида женщине произошёл мгновенно.

Сергей встал, молча посмотрел на неё.

– Прости, – сказал он, – у меня дела. Спасибо, что зашла проведать.

– Ты ещё пожалеешь, – Лапина схватила меховой полушубок, выбежала из избы.

– Ага, – вслед ей сказал Травин. – Вот сейчас и начну. А ты, пигалица, слезай с чердака, ещё раз будешь подслушивать, уши надеру.

Варю он встретил зимой в коридоре школы, куда пришёл устраивать Лизу, учительница математики была привлекательна, мужским вниманием не обделена, но причина их отношений была в другом, хотя Лапина об этом не догадывалась. Она была очень похожа на совсем другую женщину, с которой Сергея Травина, ещё того, настоящего, когда-то действительно связывала судьба. Или то, что её заменяет.

Глава 3

5 апреля 1918 года
Выборг

Паровоз Н2-293 был построен американской компанией «Ричмонд Локомотив» в 1900 году и мог тащить за собой восемь пассажирских вагонов и два почтовых. Именно на нём 7 октября 1917 года Владимир Ульянов-Ленин вернулся в Россию, чтобы руководить революцией. Вагоны, потрёпанные и теряющие лоск первого класса, пока ещё исправно служили новой власти, перевозя людей из Петрограда в Гельсингфорс и обратно, на Выборгский вокзал поезд прибывал в четверть третьего по вторникам и пятницам и стоял четверть часа.

За десять минут до отправления состава в сквере возле дома Пиетинена, что напротив здания вокзала, Сергей Травин держал за руки рыжеволосую девушку. Они смотрели друг другу в глаза, для этого девушке пришлось задрать голову. Пожилой мужчина в военном френче без знаков различия, стоящий неподалёку возле открытого авто, неодобрительно за ними наблюдал.

– Обещай, что будешь осторожной, – Сергей требовательно стиснул руку рыжеволосой, спохватился, прижал к губам. – Прости.

– За что? – девушка улыбнулась, спрятала голову у него на груди. – Это, напротив, хорошо, что ты очень большой и очень сильный. Конечно, я буду вести себя осторожно до твоего приезда, и не беспокойся, за мной присмотрят, Выборг – тихий провинциальный город, в нём даже ночью можно гулять по тёмным улицам и никого не опасаться. Правда, здесь сейчас красные, но скажу тебе по секрету, это ненадолго.

Сергей огляделся, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. Мужчина в френче демонстративно отвернулся.

– До Харбина три недели на перекладных, обратно столько же, к середине мая я буду здесь.

– Дурачок, лишний месяц разлуки ничего не изменит, у нас вся жизнь впереди. Будешь задерживаться, телеграфируй, как идут дела, и жди нас в Праге, до июля мы точно туда доберёмся.

– Ляна!

– Что?

– Нет, ничего, – Сергей вздохнул. – Когда ты рядом, мне хочется плакать и смеяться. Это ведь ненормально, правда?

– Это любовь, глупышка, – девушка щёлкнула его по носу. – Тут уж ничего не поделаешь, мы с тобой связаны накрепко, даже если мой папа# этого не одобряет.

И она перевела взгляд на мужчину в френче, который, поставив ногу на подножку автомобиля, нетерпеливо сжимал и разжимал кулаки.

Ульяну Мезецкую Сергей больше не увидел. Через три недели в Выборг вошёл передовой отряд генерала Левстрема, начались убийства сначала красных, а потом всех русских, дорога на Финляндию была перекрыта, финские социалисты, которых поддерживало революционное правительство России, сдали город практически без боя. Сергею понадобился месяц, чтобы через охваченную смутой страну добраться до Выборга, чудом ему удалось узнать, что девушку, похожую на Ляну, и полковника Петра Алексеевича Мезецкого расстреляли в числе прочих перед Фридрихсгамскими воротами, а потом похоронили на Сорвальском кладбище. Командовал расстрельной командой майор Аттикайнен, он успел удрать в Эстонию вместе с другими палачами.

В Прагу Травин не поехал, и в Харбин возвращаться не стал – единственной страной, которая сражалась с белофиннами, была РСФСР.

Апрель 1928.

Город Псков, Ленинградская область, РСФСР

– Ну, что скажешь? – начальник Псковского оперсектора ГПУ Вацлав Политкевич полез в ящик стола за новой пачкой папирос. Дым медленно уходил в открытое окно, за которым маячил часовой. Кучка окурков в чугунной пепельнице грозила перевалить через край. – Что твои агенты говорят?

– Следили, – инспектор уголовного розыска Семичев хотел было сплунуть, но потом посмотрел на пол, и так основательно загаженный, и передумал. – Вроде есть одна зацепка.

– Давай, – Политкевич оживился, смял папиросу, – я вот чувствовал, нечисто с этим Сомовым, ой нечисто. Что он, с жиганами снюхался, деньги появились, товар какой из-за кордона нэпманам продал?

– Насчёт денег сказать не могу, – инспектор достал из папки фотографию, – мы же не будем за ним по лавкам бегать, но один интересный человек наметился. Смотри, знаешь, кто это?

– Леонтий Лакоба, – начальник оперсектора сморщился, словно лимон прожевал. – Из Абхазии по разнарядке прислали, у Рубина на таможене работает, вроде хороший специалист, Давид его хвалит.

– А чего кривишься? Можешь не пояснять, понимаю. Так вот, этот Лакоба несколько дней назад стрелял в нашего почтового начальника, – Семичев улыбнулся, – нового, который из Москвы зимой приехал.

– Да слышал я, там вроде дела сердечные, бабу не поделили. А Сомов-то что, боком каким к ним?

– Сомов к этому Лакобе заходил два раза, приносил что-то в свёртке, потом через несколько минут уходил, причём, когда самого Лакобы дома не было.

– Зачем он это делал?

– Вот давай ему этот вопрос зададим. Вроде никакого отношения к убийству на заставе он не имеет, а тут такой удобный случай, следовательно дело ещё не закрыл, вдруг Сомов знает что, следствию поможет. Ситуация-то серьёзная, не просто какого рабочего пришибить хотели, а начпочтамта, вроде как и тебя касается это.

– Меня всё касается, – веско сказал Политкевич. – Ладно, доставили его, в соседней комнате сидит, я послушаю, а ты давай, коли его, только осторожно.

– Вольнонаёмный Сомов по вашему приказу доставлен, – боец ГПУ коротко кивнул, подождал, пока доставленный бочком просочится в кабинет, и вышел, закрыв за собой дверь.

– Вызывали, товарищ начальник? – Митрич нерешительно улыбнулся, уселся на самый краешек стула, стоящего посреди комнаты, аккуратно под лампой без абажура.

Пять дней после того, как наблюдательный пост был почти полностью вырезан, он провёл в камере, но потом Сомова выпустили – всё, что Митрич рассказывал и показывал, так или иначе подтверждалось. Он несколько раз водил сотрудников ГПУ по тому пути, по которому якобы искал задержавшуюся патрульную группу и командира поста Миронова, ушедшего за ними, каждый раз его показания записывали, а время замеряли секундомерами. Доктор в морге слова Митрича подтвердил, время смерти со словами работника тыла совпадало, и всё равно исповедовали Сомова регулярно, правда, последнее время всё реже. Митрич в мелочах сбивался – не может обычный человек от волнения всё вспомнить правильно, но в целом ни разу не поплыл.

– Вызывал. Вот товарищ Семичев из угро хочет с тобой познакомиться и пару вопросов задать, ты уж ответь, Дмитрий, как есть.

– Конечно, – Митрич подобрался, знакомство выходило нехорошее. – Всё как есть расскажу, мне укрывать нечего. Я и вам, и другому товарищу уже всё поведал, но повторить мне не в труд.

– Ты знаком с этим человеком? – инспектор подошёл к Сомову, встал за его спиной, а фото ткнул прямо в лицо.

Сомов отодвинулся, скрипнув ножками стула, прищурил глаза.

– Никак нет, не помню. Но приметное лицо, видел где-то в городе, товарищ начальник, а что он сотворил-то?

– Хорошо, – Семичев убрал фото, достал другое. – А это кто?

Митрич не отвечал.

– Так знаешь или нет?

– Ладно, – Сомов вздохнул, – поймали меня, что уж тут.

Политкевич стукнул кулаком по столу.

– А ну, – даже как-то радостно сказал он, – давай расклад.

– Глашкин хахаль энто, – нехотя выдавил из себя Митрич. – Вот как есть, товарищ начальник, сволочь редкостная, Глашка-то с ним из-за денег токма жила, а со мной по любви была раньше, значитца.

– Глашка – это Глафира Прохоровна Екимова? – уточнил Семичев.

– Она, паскудница.

– Так где она сейчас?

– Мне знать откедова? Дорожки разбежались наши давно, приносил я ей раз или два вещички, что просила, ну и всё. Этот Лакомба женихался, да и она женщина образованная теперича, а что мне делать, я перед ним голытьба, человек маленький. Только... – Митрич даже со стула привстал, – видал я её третьего дня, кажись.

– Где?

– Я ж, товарищ начальник, в Усановке живу, там домишко у меня хилый, избёнка гнилая, как, значитца, законный выходной или рабочий день закончен, так я там, и от службы близко, и всё как-то лучше, чем в казармах обитать. А Глашка, она из Подбровья, рядом совсем, только не осталось у ней почти никого, потому и переехала за реку. А тут дела у меня были в Алексеевской слободе.

– Что за дела?

Митрич замаялся.

– В церкву ходил, – наконец признался он, – понимаю, что Бога-то нет, но не понимаю. Столько лет был, а тут бац, и нету.

– Не юли, – строго сказал Политкевич. – Где Екимову видел?

– Так рядом там, по улице прошла, платком закуталась, чтоб наверняка не узнал никто, по походке только и признал. А она чем провинилась?

– Этого знать тебе не положено. Ладно, Дмитрий, – Семичев положил ему руку на плечо, Митрич вздрогнул. – На этом пока всё, иди работай дальше. Но как Глашу эту увидишь, сразу дай знать, чтобы в милицию пришла сама, бегать за ней не будем, у следователя других важных дел много. Понятно?

– Как не понять, – Митрич встал, вытянулся. – Разрешите идти, товарищ начальник?

– Иди, – Политкевич кивнул. – К месту несения службы.

– Служу трудовому народу, – торжественно сказал Сомов и, стараясь печатать шаг, вышел за дверь.

Политкевич минуту подождал, закурил наконец папиросу, Семичев стоял у окна, глядя, как Митрич почти вприпрыжку бежит к воротам.

– Брешет? – спросил он.

– Как пёс, – кивнул Политкевич. – И думаю, товарищ инспектор, если мы с тобой его слова проверим, тут тоже всё сойдётся. Ты своих агентов-то не отозвал ещё?

– Сейчас двое им занимаются, Казимир Юткевич и Санька Прохоров. Красько, который раньше ходил, уволили мы его, не справлялся, и вообще оказался лишний человек.

– Проверенные?

– Прохоров недавно в органы пришёл, с одного завода мы, выдвигенцы, что я по рабочему призыву, что он, парень надёжный, ответственный, опыта мало, но наберётся. Юткевич – тот из бывших.

– Ты, Захар Петрович, доверяй, да проверяй, многие эти бывшие спят да и видят, как сюда беляки придут, Эстония-то вот она, рукой подать, до Изборска тридцать километров.

– А где взять кадры, – Семичев развёл руками, – вот у меня по штату четырнадцать агентов должно быть на весь Псковский округ, в наличии только одиннадцать, и это включая субинспектора, нету агентов, Вацлав, хоть тресни, а милиция на меня дела вешает, сама копаться не хочет. Конторщики с секретарями, архивариус, машинистки две, даже регистратор есть и двое посыльных. А агентов нет. Инструктор для агентов есть, етить, а их самих нет, вот как так.

– Будет набор, пришлём тебе пополнение.

– Ты же знаешь, рабочие в милицию неохотно идут, а уж в угро и подавно, тут дисциплина, день ненормированный, а оклад такой, что токарь на сдельщине больше заработает. Да и пока обучишь, я вон два года здесь, а до сих пор как свинья в апельсинах.

– Не наговаривай на себя.

– Да чего уж там, стараюсь как могу. Только, Вацлав Феофилович, если бандит это, то слежку он рано или поздно почует, надо сворачиваться. А как невиновный человек, у меня недокомплект, воры да мокрушники, они ждать не будут, а то получается, вечером ребята за этим Сомовым ходят, а в ночь на поножовщину на вокзал. Может, своих людей дашь?

– Говорили мы об этом и с тобой, Захар, и с Радзянским, Сомов здесь, при погранотряде, давно отирается, моих людей видеть мог, да и город твои хлопцы знают лучше, особенно пригороды. А сворачиваться рано, ты сам посуди, он у нас единственная ниточка, потянем и выйдем на крупную рыбу, всю контрабанду прихлопнем. Дело почтового начальника, как там его – Травин, кажется, кто ведёт?

– Матюшин.

– Хорошо. Он молодой, неопытный ещё, пусть не торопится, выяснит все подробности, я прокурору позвоню. Но смотри, Захар, тут оплошать нельзя. Три поста вырезаны с начала зимы, и каждый раз один человек в живых остаётся, словно нам кто-то под копирку решение подсовывает. Без города не обошлось, а это твоя территория, так что и искать тебе.

– Те двое пограничники были, чистыми оказались, их перевели в область, – напомнил Семичев. – Может, и этот тоже ни при чём? Он же не только на этот пост еду-то носил, это угадать надо, что придётся основную команду ждать.

– Нет, чуйка у меня, бог, которого нет, он троичку любит. Мы Сомова сейчас спугнули, он ведь заподозрил что-то, ты видел, как он расслабился, когда фото Травина увидел? Значит, другого ждал и боялся. И побежит он к своим поделщикам, зачем ему неприятности в виде пропавшей любовницы, сам решать побоится.

– Бывшей любовницы.

– Вот это ты и выясни, бывшая она или не бывшая, что делала в Алексеевской слободе, почему записку написала, что у них там с Лакобой случилось. Найди её и допроси, сам допроси, прежде чем следователю передавать. А лучше меня позови, вдвоём из неё всё вытянем.

– Так, может, Лакобу и допросить.

– Лакобой пусть следователь занимается, а я попробую с другой стороны зайти, через комитет партии, там с наскоку нельзя, так что ты его не трогай пока, подумай, что ещё можно сделать.

– Травин живёт в Алексеевской слободе, дом снимает.

– Откуда знаешь?

– Схлестнулся он с одним из наших зимой, в милиции протокол составляли.

– Преступные наклонности?

– Да ну, – Семичев замялся, – был у нас один тип, по комсомольскому призыву, да я ж говорил о нём, Красько. Повздорил он с девчонкой прямо на почте, слово за слово, полез за револьвером, так этот Травин его скрутил и в милицию доставил. Здоровый, сволочь, как пушинку нёс, на стол дежурному швырнул. Вот тогда адрес и выяснили.

– Всё равно неясно пока, кто в этой шайке орудует. За почтальоном тоже проследи, но осторожно, дело его в Наркомпочтеле я запрошу, может, грешки есть в прошлом или связи с границей. И Красько проверь, где он сейчас?

– Домой к себе в Новгород уехал. Слушай, Вацлав, к чему сложности такие, может, снова в карцер Сомова посадить, а потом на расстрел вывести, повязку на глаза, там он и поплывёт? Всё выложит как миленький.

– Расстрелять, Захар, мы его всегда успеем, зря, что ли, месяц его обхаживали, лыбились в рожу проклятую. Опытный он, ни слова лишнего, с нахрапа его не возьмёшь, так что следи за ним, а то не ровён час решит улизнуть. К Первомаю дело это мы закрыть должны, кровь из носу, понятно? Всех виновных найти и покарать, кто хоть как-то замешан. Партия и Совнарком, – Политкевич встал, опёрся о стол, – нас тут не просто так у границы поставили. Не только контрабандистов ловить, тут, понимаешь, политический вопрос, контра не дремлет.

Сомов после службы вёл себя как обычно. Сперва заглянул в шалман на Мирожской набережной, купил копчёных снетков, солёный крендель и кружку пива, пил не торопясь, блаженно причмокивая губами. Потом заказал чекушку водки, вылил в опустевшую кружку и втянул залпом, глаза тылового труженика чуть осоловели, когда он встал, видно было, что и ноги немного заплетаются.

– Как его с четвертинки повело, – сказал молодой агент пожилому. Они сидели в чайной напротив. – Ну что, Казимир Фадеевич, теперь моя очередь?

– Иди, Саня, а я вот котлеты доем, – Юткевичу было под шестьдесят, он жил бобылём в оставленной ему революционным правительством комнате, готовил себе еду на примусе в общей кухне на семнадцать жильцов и старался делать это как можно реже. – Потом ещё чаю возьму, здесь отличный заваривают, на смородиновых почках, да расстегая кусок. А ты не торопись, не беги, примелькались уже, если он тебя запомнил, то срисует в момент. Как я тебе показывал, подальше держись, и не дай понять, что следишь.

– Не волнуйся, я науку быстро понимаю, – Прохоров поднялся, подхватил газету.

– Куда! – остановил его пожилой агент. – С ума сошёл? Ты ж в Усановку пойдёшь, и что, с газетой «Ленинградская правда» в руках?

– А что тут такого?

– Сразу поймут, что ты пришлый. Мы же с тобой говорили, пять семей выписывают «Псковский пахарь» и трое – сельхозлисток. А ты с «Правдой» попрёшься, которую они только в читальне и могли видеть, если бы вдруг туда забрели. Нет, Ваня, газетку оставь, я её почитаю, так и быть, а ты как есть иди. Смотри, как ногами колесит, подлец. Через Мирожку переберёшься, вперёд иди и оттуда следи, тогда не заметит, до дома доведи, и назад, смеркается уже скоро. Понял?

– Да, – чуть надулся Прохоров. Эти нравоучения он слушал каждый день, а всё никак не мог к ним привыкнуть. Часто Юткевич сам противоречил себе, но ошибок своих признавать не любил.

– Ну так чего встал столбом.

Подозреваемый хоть и выделял кренделя, но шагал быстро, от набережной до Усановки путь был меньше двух километров, и проделали его агент и предполагаемый бандит за полчаса. Прохоров прошёл Усановку насквозь, залез на раскидистый дуб, дождался, пока Сомов зайдёт в свою избу, посидел ещё полчаса, а потом спустился и пошёл к железнодорожному мосту. Солнце ещё светило, но совсем слабо и из-под горизонта, до сумерек оставались считанные минуты. Агент дошёл до моста Рижской железной дороги аккурат к литерному поезду, идущему в сторону Изборска, забрался на проходную часть и не торопясь направился в сторону Алексеевской слободы. Ограждение моста было арочным, из стальных конструкций, покрытие проходной части – деревянным, доски поскрипывали, металлические фермы гудели, Великая внизу почти очистилась ото льда. Прохоров засмотрелся на тёмную воду, шагнул в сторону, пропуская высокого немолодого человека в полушубке, с рваным шрамом на щеке, нащупал в кармане револьвер – мало ли кто в такое время шастает, до охранной будки оставалось не больше двадцати метров. Прохожий торопился, но возле будки притормозил, раскурил папиросу, Прохоров прошёл мимо него, отметив, что часовой ворон считает, спустился вниз и там сел в подошедший трамвай.

Прохожий остался стоять на месте, дождался, когда на другом конце моста появится ещё один человек, раскурил вторую папиросу, выпустил облако дыма вместе с паром.

– Погодка студёная стоит, – просто чтобы не молчать, сказал он часовому.

Тот кивнул, следя за незнакомцем, второго человека, который быстро прошёл мимо них, он рассмотреть не успел. Прохожий со шрамом затушил папиросу, аккуратно придавил окурочок ногой, вдохнул холодный весенний воздух и не торопясь направился в ту же сторону, что и Прохоров, но, спустившись с моста, снова остановился.

– Вылезай, – сказал он будто в пустоту.

Из-за столба появился Сомов.

– Легавый ушёл?

– Нет, на столбе сидит, интересуется, – усмехнулся человек со шрамом. – На транвае он утопал. Хозяин хочет тебя видеть, вдруг у тебя новости есть.

– Срочных нет, я бы сообщил, – сказал Митрич. – Но раз распорядился, ты, Фома, меня веди. Коли не лень.

– Работа у нас такая, – Фома вздохнул. – Лады, почапали.

Они дошли до перекрёстка Вокзальной и Пановой улиц, там посреди сквера стояло двухэтажное каменное здание прошлого века, с колоннами и мезонином, на первом этаже располагался ресторан, где остатки нэпманов проводили своё время, а на втором этаже сдавались комнаты.

Входы в первый и второй этажи были отдельными, Фома и Сомов поднялись по лестнице, прошли по полутёмному коридору, провожатый толкнул дверь, впихнул Митрича внутрь, сам заходить не стал.

В комнате горела одна лампа, свет её был направлен прямо на стул, стоящий напротив окна. У окна за столом сидел человек в очках, лица его в полумраке было не разглядеть. Сомов не протестовал, он уселся на стул, прикрыл глаза.

– О чём в ЧК говорили? – хозяин комнаты почти не шевелил губами.

– Спрашивали, не знаю ли я Глашкиного хахалю. Мол, пропала она.

– С чего это они тебя про Глашку спрашивать стали?

– Мне откуда знать, наше дело маленькое, в несознанку идти.

– Правильно. Значит, видел тебя кто-то, как в дом её шастал, наверное, легавые эти.

– Устал уже от них, шляются везде, ни выпить, ни посидеть. Может, сдёрнуть отсюда, я в Ростов уеду, и мне спокойнее, и вам.

– Уедешь, когда скажу. Значит, Лакобу тебе показали?

– Её. Я сказал, что вещи заносил Глашке, мол, просила она. Говорил вам, не надо её впутывать, тупая же баба, на том и погорел.

– Ничего ты не погорел, успокойся. Они что?

– Так они наказали, как её увижу, сказать, чтобы к ним бежала.

– И это всё?

– Да, я и сам не понял, для чего она им, человек маленький, почтальон простой, а тут сам главный чекист интересуется. Может, предупредить её, пусть пока схоронится?

– Увидишь – предупреди. Ты, Дмитрий, ещё раз подумай, что в разговоре было.

Сомов задумался, помотал головой.

– Да, было, спросили они меня, не видел ли я её. Так я сказал, что видел третьего дня, в церкву шла, окликать не стал, только не уверен, она это или не она была, может обознался.

– Сказал и сказал, от Глашки твоей всё равно никакого толку. Пока всё по-прежнему, ходи на службу, по лавкам шастай и пивным, пусть они за тобой гуськом ходят, – хозяин комнаты бросил на стол тощую пачку денег. – Вот, держи, на хлеб с маслом.

Сомов деньги подхватил, чуть поклонился и вышел.

– Проследить за ним? – Фома заглянул в комнату.

– Нет, пусть идёт, – человек в очках качнул рукой. – Ты сбегай-ка за Трофимом, хватит ему в кабаке девок щупать да горькую жрать, есть у вас дело на завтра.

Митрич возвращался осторожно, хоронясь в тени, агенты наверняка уже ужинали и писульки писали начальству, но рисковать он не хотел. По мосту он прошёл, убедившись, что часовой отвлекся, да и стемнело настолько, что разглядеть что-то из будки, над которой висел фонарь, можно было только если уж очень поднапрячься. Зайдя в избу, он запалил лучину и растолкал парнишку, спящего за печкой.

– Чего тебе, дядь Мить? – Пашка протёр глаз, книга, лежащая на одеяле, упала на пол. – Темень уже.

Митрич сел рядом с ним на кровать.

– Помнишь легавых, которые Краплёного брали в прошлом году, мы с тобой ещё напротив на чердаке сховались?

– А то, на авто приехали, с балалайками, я ж такое не забуду. Чистый цирк.

– Один из них здесь, кажись, здоровый такой бугай, он ещё Кирку выволок и ногу ему сломал прямо на улице.

– Да, – Пашка восхищённо улыбнулся, – он его как пушинку, дядь Мить, раз его, раз по хлебалу, а потом как дёрнет, кажись, оторвал ногу. А как он дверь вышибал, там же пудов шесть, в этой двери, он её как пушинку хрясь, и нету.

– Мне, племяш, сегодня в ЧК портрет его в морду пихали, тут он, родимый, как бы не по мою душу приехал. Краплёный мог заложить, ты не знаешь, но разбежались мы с ним плохо, потому и сидели с тобой супротив, ждали, когда с малины уйдёт, чтобы долю мою забрать.

– Вот паскудник, – Пашка искренне расстроился, – так что, думаешь, чека о нас знают что? Тикать надо.

– Кто их знает, может, на понт берут, да и не дают нам уехать пока. Ты давай, по городу пошляйся, позыркай, мне из-за Глашки его карточку показывали, может, хахаль ейный с ним знаком. Помнишь этого фраера?

– Помню, конечно. А Глаша где?

– Кто ж её знает, – Митрич помрачнел, – говорят, пропала, может, загуляла опять, баба – человек ненадёжный. Но ты в голову не бери, всякое случается. Глашка на почте работала,

что у Ольгинского моста, оттуда и начни следить, а как этого бугая увидишь, выведай, где живёт, куда ходит, ты неприметный, за пацана беспризорного сойдёшь, их тута полно. Псков – городишко маленький, найдётся голубчик.

– Всё сделаю, дядя Митя, а то засиделся, скукота тут, – парень явно обрадовался. – А потом ты его пришьёшь? То есть зарежешь? Али наймёшь кого?

– Там видно будет. Ты, Пашка, на ус намотай, мокрое дело по необходимости пользу даёт, если без него никак, а впустую только себя подставлять под кичман. Краплёный вон тоже без нужды шил направо и налево, и где он теперь, наверняка к монастырю уже давно поставили. Всё, спи дальше, дармоед, а завтра с утреча и начнёшь.

Глава 4

Матюшин, казалось, был чем-то расстроен, когда допрашивал Сергея, и выглядел усталым. Вопросы задавал стандартные, в подробности не влезал, весь разговор занял минут десять, не больше. Травин описал стрелявшего, отметил, что тот был пьян, почему он именно так решил, следователь не уточнил, просто вписал ответ, и всё.

– С Глашей-то что? – Сергей подписал протокол, поставил дату, отложил ручку. – Нашлась?

– Нет, – Матюшин потёр ладонями глаза, поморгал, – это дело милиции, пропавших искать, мы в их работу не вмешиваемся. Будут подозреваемые – допросим, а до тех пор следствие только на контроле ситуацию держит, если новостей не будет, прекратим. Каждый человек имеет право на личную жизнь, даже если это некоторым не нравится.

Дальше расспрашивать Травин не стал, поднялся, аккуратно закрыл за собой дверь, отметив, что из замков на ней только хлипкая задвижка. На выходе строго зыркнул на знакомого конторщика, который сделал вид, что Сергея не замечает, дошёл до чайной в доме Перовских, заказал себе яичницу с салом и молоко. Сын хозяина метнулся на кухню, принёс два ломтя свежего решётного хлеба, масла кусочек, большую кружку парного молока, тёплого, с пенкой и слоем сливок, поставил на стол плоскую тарелку с солью и заверил, что яичница уже жарится и будет готова сей же час, минут через пять.

– Погоди, – остановил его Сергей. – Скажи, а судебные к вам часто ходят?

– Как не ходить, постоянно у нас столуются. И из губбанка тоже, – подросток добродушно улыбнулся. – А я вас знаю, вы на почте работаете, да? У меня там брат двоюродный телеграфистом.

– Который из них?

– Коля. Николай Игнатьев.

– А тебя как звать?

– Митяй.

– Вот что, Митя, повстречал я в больнице девушку неземной красоты, зовут Наденькой, а она, оказывается, сестра следователя Матюшина, знаешь, такой молодой, белобрысый, чай у вас гоняет?

– Знаю, – Митяй кивнул, – звиняйте, один момент.

Не через момент, но через две минуты – точно, перед Травиным появилась чугунная сковорода с яичницей-болтуньей, густо заправленной шкварками, а Митяй уселся напротив него, благо посетителей, кроме Сергея, не было.

– Подождать чуток надобно, чтобы доспела. Ходит к нам Ванька, то есть Иван, они на Некрасовской жили, возле Николы Чудотворца. Отец ихний раньше лавку держал мануфактурную, ещё при царе, а потом под лошадь попал и помер, а мать учителькой была, сейчас в педтехникуме работает, так они тот дом продали и в комнаты на Успенскую улицу переехали, теперь она Калинина. А Надька – она со мной в одну школу ходила, только я бросил три года назад, как мы тут открылись, а она курсы фельдшерские закончила и в больничке работает. В окружной.

– Ты, я смотрю, всё про всех знаешь?

– Вы не подумайте, я не балабол какой, – парнишка покраснел, – просто скучно здесь, это сейчас никого нет, а к обеду набьются, и до самого вечера, а там и ханурики подтянутся, водку пить, а какие у них разговоры, всё про женщин да про тяжёлую жизнь. Раньше был у нас работник, спился, одна кухарка осталась, она к обеду приходит, а других отец не берёт, хочет, чтобы я потом здесь сам управлялся. А вам правда Надька Матюшина нравится?

– Я когда в больнице лежал, она за мной ухаживала, вот думаю, отблагодарить надо, подарок какой принести, конфет там или чай цейлонский. Так говоришь, на улице Калинина они теперь живут?

– Да, недалеко от школы, только точно не знаю, в каком доме.

– Не важно это, не буду же я к ней домой заявляться, – Сергей улыбнулся, – в больницу схожу, там и отдам, и ей, и остальным – не одна же она меня лечила.

– И то верно, – подросток важно кивнул, вскочил. – Без приглашения в дом нельзя. Звоняйте, надо мне по делам.

В чайную зашёл мужичок с котомкой, сел у окна, требовательно посмотрел на Митяя. Тот бросился обслуживать нового клиента.

Яичница за время разговора дозрела до нужной кондиции, находящейся между полужидкой массой и резиновым блином, Травин ел не торопясь, отхлёбывая молоко и подсаливая кусочки хлеба. Про подарок он не соврал, медсестры как-никак с ним три дня возились, пока без сознания лежал. Адрес Матюшина на всякий случай выяснил, мало ли что доведётся в нерабочее время спросить.

– Если вдруг Ивану Матюшину сболтнёшь, что я его сестрой интересовался, никакого секрета в этом нет, – сказал Сергей Митяю, расплачиваясь за завтрак. – Сколько раз мимо этого дома проходил, а зашёл только сейчас, яичница отличная получилась, спасибо. И ты молодец, что родителям помогаешь.

Парнишка чуть покраснел, заулыбался, видно было, что похвала ему приятна.

Адрес Матюшиных нашёлся легко, людей с такой фамилией в Пскове и окрестностях жило больше двух десятков, но журнал «Революция права» получал единственный подписчик на улице Калинина, брат и сестра жили в доме 17 напротив церкви. На тот же адрес приходили журналы «Звезда» и «Красная новь» и газета «Известия ЦИК СССР». Травин много раз проходил мимо каменного двух этажного здания с типичным для Пскова мезонином, часть первого этажа дома занимал фотографический салон, где они с Лапиной как-то раз запечатлелись на память. Осталось только подождать, когда Митяй сболтнёт следователю про Сергея, ну а если парень решит промолчать, можно и самому визит нанести – тот же журнал вместо почтальона доставить.

– Семён, кого ты усадил вместо Екимовой на кассу?

– Никого, – Циммерман отложил проклеенную пачку билетов займа, – выяснили, что с ней?

– Следователь говорит, с любовником сбежала, оставила записку. Так что Марфа Ильинична, похоже, права была.

Абзякина торжествующе улыбнулась, оглядела всех с видом победительницы.

– С кадрами у нас, Сергей Олегович, полная амба, кассира просто так не взять и не назначить. Всего пятеро, Масалкина болеет, Екимовой нет, если ещё кто пропадёт, хоть закрывайся. Марфа вот немного умеет, вчера сидела, только не справляется она. Как потрындеть, всегда рада, а работать не любит.

Травин улыбнулся. А Марфа, наоборот, напряглась, сжала кулаки, приподнялась со своего места.

– Ах ты жид пархатый, – прошипела она, – я с места на место скачу, из кожи вон лезу, а тебе не нравится? А сам крещёных младенцев жрёшь?

– Немец я, – простонал Циммерман, – ну сколько можно тебе повторять, немец! И мясо я вообще не ем. И всё это выдумки, про младенцев.

– Всё равно нехристь, житья от вас нет, – Марфа плюхнулась обратно на стул, гордо вздёрнула голову. – Сергей Олегович, если вы ещё раз нас бросите хоть на день, вот ей-богу, придушу его.

– Народ в зале толпится, сегодня-завтра, может быть, и постоит в очереди, а потом буянить начнёт, – задумчиво сказал Сергей. – Кто у нас на кассу сесть может? Семён, может, ты?

– Товарищ Травин, у меня, между прочим, заём укрепления крестьянского хозяйства, и если я его неправильно разнесу или посчитаю, – Семён от возмущения покраснел, – то... то...

Он пытался подобрать правильную метафору, но никак не получалось.

– То крестьянские хозяйства в стране не укрепятся, я понял. Хорошо, Света, ты ведь на курсы ходила и училище закончила? Опыта нет, понимаю, но кто-то завтра Екимову заменить должен, сегодня разберёшься, что к чему, и в зал, к народу.

Светленькая девушка со вздёрнутым носиком кивнула, покраснела. Света Кислицына вообще краснела по любому поводу.

– А я тебе помогу, раз Семён Карлович отказывается. Тоже никогда этим не занимался, но вдвоём мы обязательно справимся, как там Владимир Ильич сказал, даже кухарка может на кассе сидеть и марки почтовые продавать.

Циммерман закивал, потом внезапно задумался. До него начал доходить смысл слов начальства.

– Вы там насчитаете и напродаёте, – быстро сказал он. – Потом окрфинотдел с меня шкуру снимет, как с материально ответственного. Простите, Сергей Олегович, как руководитель вы замечательный, но в денежных купюрах ровным счётом ничего не понимаете. Да-с.

– Так ведь ты сам не хочешь, – напомнил ему Травин, – а никому другому поручить я не могу, так что придётся мне.

– Ничего я не отказываюсь, займом могу и вечером заняться, всё равно кассиры с фабрик и артельщики только в пятницу приедут, а крестьянское население в субботу.

– Уверен?

– Не сомневайтесь.

– Ладно, забирай, но если будут жаловаться, приму меры. И вот ещё, в пятницу перед Пасхой Екимова с собой корреспонденцию брала, по пути чтобы разнести. Надо выяснить, кому, и проверить, все ли получили. Марфа Ильинична?

– Не беспокойтесь, Сергей Олегович, всё выясню, – Абзякина достала с полки нужную тетрадь, шлёпнула об стол. – У меня всё записано тютелька в тютельку. А если у других беспорядок, то потому что работать не хотят, только языки чешут поганые.

И через десять минут торжественно вручила Травину список из девяти адресов. Сергей оглядел комнату, словно раздумывая, кого послать, остановил взгляд на Циммермане, тот сделал вид, что этого не замечает, они со Светой пытались разобраться в марках, но, судя по хихиканью, говорил Семён вовсе не о признаках подлинности денежных и почтовых знаков.

Почти все девять респондентов жили в районе Бастионной улицы и Пролетарского бульвара, он отметил подписчика журнала «Лапоть», поставил галочки возле получателей трёх «Псковских набатов», один из которых выписывал ещё и приложение «Литературный угол», и журналов «Радио всем» и «Мурзилка». Два письма из Ленинграда и Нижнего Новгорода шли вместе с радиожурналом, ещё три поделили между собой читатели местной прессы, оставалось три письма по одному адресу, но на разные фамилии и номера комнат.

– Марфа Ильинична, посмотри, что с письмами, может, ещё одно было?

Марфа поджала губы, залезла в тетрадь, с карандашом прошлась по всем строчкам.

– Не понимаю, – заявила она, – почему вы говорите, что было ещё письмо. Вот подписи Екимовой, тринадцатое апреля по новому стилю, пятница, восемь писем, три журнала, три газеты и одно приложение. Дальше Страстная суббота идёт, почтальон в казармы целую сумку понёс, вон, на две страницы. Хотите, сами проверьте, если не верите.

– Смотри, Марфа, договоришься, – предупредил её Травин. – Начальство у нас обидчивое, если спрашивает, значит, основания есть. Да не дуйся ты, а то в воскресенье работать заставлю.

– Меня этим не испугать, – гордо сказала Абзякина, но на всякий случай спряталась за стопкой журналов.

– Мне Глафира сказала, что писем девять, – пояснил Сергей. – Поэтому и спрашиваю. Екимова на деньгах сидела, всегда всё копейку в копейку сдавала, не могла она в цифрах ошибиться.

– У Екимовой одни мужики в голове, – вылезла из-за писем Марфа. – Вы не замечали, а она сядет за арифмометром, в потолок уткнётся и мечтает. Тьфу, прошмандовка.

– Ты рот-то свой поганый закрой, – вступилась за подругу Зоя. – Мужика нет, вот и бесишься.

– А ну хватит, – негромко сказал Травин, и все замолчали. – На рабочем месте, товарищи, будем говорить о коллегах своих вежливо и только хорошее. Ясно? Марфа Ильинична, Зоя Львовна, возражений нет? Вот и отлично.

– Если письмо пришло, то оно в общей описи должно быть, я сейчас с заграничной корреспонденцией закончу и ещё раз проверю, – сказала Зоя. – Общее количество мы во вторник сверяли, четырнадцать отправлений нашли не по тем адресам, а лишних или недостающих вроде не было. Сами знаете, почтальоны могут и потерять, и забыть где-то, но сами не скажут, пока человек не придёт и скандал не устроит, но сейчас такого почти нет, как учёт наладили. Может, действительно Глаша ошиблась? Последний месяц и правда где-то в облаках витала.

– Хорошо, – решил Травин, – я эти девять адресов в воскресенье обойду, людей опрошу, запишу, кто что получил, тогда и узнаем, что с этим таинственным письмом и было ли оно вообще. И с почтальоном мне надо поговорить, Марфа Ильинична, кто у нас эти адреса обслуживает?

– Так Нюрка же, – Марфа хлопнула журналом по столу, – комсомолка, етить её, вечно всё путает. Завтра она будет.

– А ты, Зоя, свяжись с Островом, с товарищем Зуровым, и предупреди, если они с отчётом задержатся, я к нему сам приеду на недельку, погощу.

В Остров Травин ездил в феврале, когда объезжал основные почтамты – Псковский округ сократили по сравнению с губернией, выделив Великие Луки с окрестностями и передав часть земель напрямую в область, но оставшаяся территория тоже была немаленькой. Сельское начальство работать не хотело ни в какую, не помогали ни угрозы, ни выговоры, деревня жила обособленным натуральным хозяйством, и лишением премии почтальонов было не запугать. Так что, кроме ближних к самому Пскову отделений, оставались города – Остров, Опочка, Новоржев и Порхов, где можно было поддерживать хоть какой-то порядок.

По дороге домой Травин решил пройти мимо дома, где жили Матюшины, вдруг наткнётся на кого из них, или в окно его увидят, но возле бывшей губернской гимназии встретил Варю. Сергей, завернув с Урицкого на Калинина, чуть было в неё не врезался.

– А, это ты, Серёжа, – мягко улыбнулась Лапина, – прекрасный вечер, правда? Твоя Лиза – умница, сегодня «посредственно» получила, потому что опекун у неё – сволочь и козёл воничий, но завтра я ей оценку исправлю, похвали её.

– Обязательно, – Травин пригляделся, принял, хотя мог бы этого не делать, от Вари несло спиртным на метры вокруг. – Ты что тут стоишь?

На самом деле учительница только чудом на ногах держалась, уцепившись за фонарный столб.

– Встречаю весну, смотри, скворцы прилетели, перезимовали где-то и вернулись.

– Уже месяц как. Пойдём, провожу тебя до дома, – он подхватил Варю под руку.

– Нет, – она рванула рукав на себя, не устояла на ногах и почти упала, но Травин её подхватил. – Я не хочу домой, там пусто. Хочу туда, где люди. Пойдём в ресторан? Шиканём на последние, выпьем шампанского, оно такое вкусное с клубникой. Серёжа, ты такой милый

мальчик, я хочу клубники. Почему у нас не растёт клубника зимой? Это так чудесно – алые ягоды на белом снегу, словно капли крови. Я хотела выпить вина, представляешь, всего чуть-чуть, но в нашей гимназии нет вина. Только водка. Отлично, я выпила водки. Но теперь я хочу шампанское.

– Ладно, – решил Сергей. Оставлять Лапину одну в таком состоянии под вечер было опасно, жила Варя в самом конце Алексеевской улицы, недалеко от вокзала, и не исключено, что именно на вокзал бы она и направилась, если не упала где-нибудь по дороге. А там, на желдорстанции, и людей много, и выпивки, и острых ощущений. – В ресторан – значит, в ресторан, но потом домой.

– Ты отнесёшь меня на руках? – Варя повисла на Травине. – Мой принц. Где конь, что умчит нас в сказочную страну?

Сергей покачал головой, свистнул, подзывая извозчика – по случаю весны пролётки переставили с полозьев на скрипучие колёса.

– Заведение рядом с Божьим человеком знаешь?

– Как не знать, товарищ барин, – ответил тот. – Мигом домчим за полтину.

Травин внимательно посмотрел на мужичка.

– Два двугривенных, – поправился тот. – Корм нынче дорогой, ты уж войди в положение, фининспектор проходу не даёт.

Варя, усевшись в пролётку, взмахнула руками, попыталась встать, повозка тронулась, и она упала прямо на Сергея.

– Как это чудесно, помнишь, Серёжа, у Ахматовой. Зажжённых рано фонарей шары висячие скрежещут, всё праздничнее, всё светлей снежинки, пролетая, блещут. Скоро снег растает, уйдёт, как наша любовь, исчезнет навсегда. – Она обмякла, Травин было подумал, что уснула, но учительница просто так сдаваться не собиралась. – Снег вернётся зимой, мой милый, и всё вернётся. Вперёд, возникни, мчи что есть сил! Рожей вперёд смотри, куда пялишься.

– Барыня-то, кажись, уже нажрамшись, – вставил своё извозчик, пролётка как раз проезжала Великие ворота. – В зююю они, значит. В баньку бы их, значит, чтобы потом в кабак, значит, а то непотребство в таких видах.

Травин на секунду задумался, резон в словах мужика был.

– Отставить кабак, – распорядился он, – бани около лесосплава знаешь, в Алексеевской слободе? Где Макар Пантелеймоныч банщиком?

– А то ж, человек уважаемый.

– Заворачивай туда. Получишь свои два двугривенных, не беспокойся.

Бани делились перегородкой на мужскую и женскую части условно, были те, кто ходил мыться семьями или разнополой компанией, но, если доплатить через кассу ещё два целковых, можно было снять маленькую комнату с отдельной мыльней. А если просто кассиру сунуть, то и одним вполне обходились. Травин так и сделал, закутал Варю в простыню, сунул ей в руку кружку пива и ушёл искать Мухина.

– Через четверть часа подойду, вы пока распарьтесь чуток, – распорядился Фомич. Он легко проминал телеса толстяка, лежащего лицом вниз. – Только без глупостей, массаж, как его франкмассоны называют, это искусство телесного блаженства, а значит, другое блаженство нам не потребно. Приготовь барышню, веником чуток похлещи, чтобы кровь разогналась, но не переборщи, раз на грудь приняла, ей жар сейчас ни к чему. Внизу её держи, а то сердце не дай бог остановится или сосуд лопнет, и сам поосторожнее, в самый пар не лезь. Я сейчас товарища приготовлю, и сразу к вам.

В парную Лапину пришлось чуть ли не силой волоочь.

– Нет, – она пыталась сорвать с себя простыню, – Серёжа, я не хочу туда, там жарко, а я и так вся горю. Это шампанское, оно такое горькое, оно как моя жизнь, пусти меня, а лучше держи крепче.

На нижней полке парной она на несколько минут успокоилась, даже замолчала, втягивая влажный подостывший воздух, но потом снова воспряла, начала читать стихи, отчего мужики с лесосплава, сидящие на верхней полке, дружно плюнули и посоветовали Сергею даму свою из приличного места увести, а то он, конечно, мужчина видный и крупный, но и их восемь человек уставших после работы. Лапина обложила их матом, сплавщики нахмурились, Травин на рожон лезть не стал.

– Когда же это закончится? – сказал, укладывая Варю на скамью в отдельной комнатухе.

– Никогда, – обнадежила она его.

– Ты, командир, погуляй чуток, – Фомич зашёл, остановился у скамьи, разминая пальцы. – Минут десять, думаю, хватит. Посиди за дверью, леща копчёного пивом запей, а мы тут разберёмся.

– Ты поаккуратней, – попросил Травин.

– Каждая баба свой подход требует, – Мухин надавил подушечками больших пальцев между лопаток, Лапина скрипнула зубами. – Иди, не учи учёного.

Сергей сходил вниз, нацедил кваса и вернулся обратно, в небольшом коридорчике стояла лавка, за закрытой дверью слышались стоны и ругательства. Не успел он вторую кружку начать, раздался звук пощёчины, дверь распахнулась, оттуда вышла Лапина. Трезвая, злая и голая.

– Скотина, – сказала она. – Где моя одежда?

Мухин тоже вышел, потирая покрасневшую щёку, сел рядом с Сергеем, отобрал у него квас, выпил не торопясь, обождал, пока Варя соберётся, проводил её взглядом.

– Да, ну и ситуация. С виду она барышня кисейная, не пойми в чём душа держится, – сказал он, – а внутри кремень, да такой, что о-го-го. Где ж ты такую откопал?

– В гимназии на Калинина.

– Учителка, значит? Если бы не ты, женился, вот те крест. Это ж такая женщина, ух. Лицо-то знакомое, виделись в городе, знал бы, не упустил.

– Варвара Алексеевна – женщина свободная, – Травин закинул вяленый снеток в рот, хрустнул, – и встречается с кем хочет, но, если вред нанесёшь – голову оторву.

– Как тому полковнику чухонскому? – Мухин на угрозу не обиделся. – Сколько лет на свете жил, где только ни бывал, но такое не видел, чтобы пацан сопливый голой рукой глотку живому человеку вырвал, не крутило тебя после этого, спать пошёл аки младенец, и ночью опять в разведку. А с тех пор ты жёстче стал, задубел, заматерел, словно постарел лет на двадцать. Но, командир, чужого мне не нужно.

– Угол Алексеевской и Вокзальной, дом Бабица, третий этаж, комната семнадцать, – Травин равнодушно кивнул. – Она своя собственная, так что беги, а то ещё переломает себе чего в темноте.

– Не шутишь, командир? – Фомич поднялся, недоверчиво посмотрел на Сергея. – Я ведь всурьёз, назад дороги нет. Ладно, побег я, и эта, а... ладно, эх, чего там.

Травин усмехнулся, глядя на убегающего Мухина, и пошёл в парную. А то разговор там какой-то скомканный вышел, незаконченный.

– Ты где был, дядя Серёжа? – Лиза подметала пол. – Твоя Варвара Алексеевна сегодня, представляешь, что сделала?

– Влепила тебе «посредственно», – кивнул Травин, снял сапоги и куртку, стянул рубашку и полез в комод за свежей.

– А ты откуда знаешь? – девочка тут же прекратила убираться. – Вы опять встречаетесь, да? Ой, откуда у тебя синяк на плече? И ещё один?

– Ушибся случайно. Нет, не встречаемся, так что ходить тебе с этими оценками.

– Опять поругались? – Лиза прыснула. – Ты, дядя Серёжа, так никогда не женишься, и я так никогда «отлично» по математике не получу. У меня ещё по чистописанию «плохо», а Мария Игнатьевна тоже женщина хорошая, и по возрасту тебе подходит.

– У нас тут сводница растёт, – Сергей потрепал её по волосам. – Или мне на всей школе пережениться, чтобы ты отличницей стала? Кстати, Маша письмо прислала, держи, в Ленинград они к лету перебираются, может, в гости заедут.

Лиза схватила конверт и умчалась к себе в закуток, читать. А Травин лёг на кровать, прикрыл глаза, поразмышлял минут пять, куда могло деться девятое письмо, и уснул спокойным крепким сном.

Глава 5

– Вы, гражданин Лакоба, садитесь, – Матюшин и выглядел неважно, бледно-сероватая кожа на щеках переходила в тёмные круги под красными глазами, и чувствовал себя плохо. Боль в голове пульсировала, усиливалась от света и звуков, в груди что-то сдавливало, руки едва заметно дрожали. И ведь он не пил, наоборот, работал, засиделся допоздна с кражей ситца, а потом взял папки Травина и Екимовой и пытался понять, что их объединяет. – Много времени наш разговор не займёт.

– Меня спрашивал уже, – Лакоба уселся на стул, закинул ногу на ногу, достал папиросу. – Закурю?

– Да, конечно, – следователь попытался не дышать, от запаха табака его тошнило. Он не понимал, зачем нужно ещё раз допрашивать подозреваемого, а точнее, и это следствие уже доказало, виновного в преступлении. Но прокурор позвонил судье, судья – старшему следователю Лессеру, а тот уехал в Опочку, где на мукомольном комбинате одного из грузчиков задавило телегой. – В протоколе допроса от четырнадцатого апреля вы, гражданин, признались, что виновны в покушении на убийство Травина Сергея Олеговича. От своих слов не отказываетесь?

– Нет, – Лакоба затаился, выпустил дым в сторону Матюшина. – Чистосердечное признание – это уже искупление вины, так наше пролетарское государство считает и коммунистическая партия большевиков. И разве я пытался убить, только припугнуть, не виноват, что этот Олегович большой такой.

– Для протокола. Вы – Лакоба Леонтий Зосимович, 1889 года рождения, родом из Гудаты, член ВКПб с 1922 года, сотрудник Наркомвнешторга, Псковское таможенное отделение, в Пскове проживаете в доме восемнадцать на Пролетарском бульваре, второй этаж, комната номер одиннадцать. Всё верно?

– Так всё.

– Давайте ещё раз пройдёмся по событиям пятницы, 13 апреля 1928 года. Расскажите подробно, что вы в этот день делали.

– Эй, послушай, я же согласился, что стрелял, что виноват, зачем какую-то пятницу вспоминать.

– Леонтий Зосимович.

– Просто Леонтий зови, что за барские какие обиходы. Хорошо, утром я на работу ушёл, рядом совсем, через дорогу. Работал, работал, работал, на товарную станцию ездил, груз оформил и проводил, вечером пришёл. Лёг спать. Сейчас снова работать пойду. Что тебе ещё рассказать?

Матюшин старательно водил пером по листу бумаги, думая, как бы хорошо пойти, взять наган и застрелиться. Или сначала этого Лакобу пристрелить, а потом самому, прямо в висок, прохладной свинцовой пулей, и тогда головная боль навсегда отступит.

– Про Глафиру Екимову расскажите.

– Эх, что говорить? – Лакоба плюнул на папиросу, затушил её пальцами. – Такая хорошая женщина, говорила, что любит, что хочет детей, а потом так плохо поступила. Зачем? Я ей подарки покупал, не бил, не кричал, она как царица была.

– Леонтий, – Матюшин решил, что обязательно вступит в партию – каждому коммунисту полагался наган, а то и винтовка, – своими словами, без моих вопросов, расскажите, как всё с Глафирой вышло.

– Я домой пришёл, темно уже, устал, есть хотел, а дома никого, холодно, форточка открыта, вот ведь глупая женщина, нельзя так оставлять. Подумал, что к подруге пошла, лёг спать. Утром проснулся – никого нет, я один, туда, сюда, возле стола письмо лежит, ветер его

уронил, наверное. А там такое, я совсем плохой стал, голова кругами, туман в глазах. Бросила меня.

– К подружке, говорите? – следователь уцепился за слово, хоть он и записывал то, что говорил Лакоба, до сознания доходила только какая-то часть.

– Подруги у неё, следователь, – Лакоба вздёрнул руку вверх, – любимый мужчина дома голодный, страдает, а она где-то веселится. Я к её подружке ходил.

– Зоя Львовна Липкина.

– Да, она. Говорю, скажи мне, уважаемая Зоя Львовна, где Глаша, а она не знает. Я и вспомнил, что начальник у них, который работать поздно заставляет, а Зоя говорит, нет, не такой он, не заставляет. Тут у меня с глаз пелёнка упала.

– Пелена.

– И она тоже. Словно кто подсказал, что неспроста они там в выходной вместе, вот я и пошёл спросить вежливо. А он мне нехорошо сказал, грубо, что ударит. Я не хотел, но как тут ещё поступить, да.

– Так Глафира задерживалась?

– Эх, как есть.

– Часто?

Лакоба задумался, начал загибать пальцы.

– С нового года семнадцать раз, – наконец сказал он, акцент почти пропал. – Даты ска-
зать?

– А вы помните?

– Я, гражданин следователь, на таможне работаю, я всё помню. Сколько вагонов прошло, какой вес, что за товар, кто сопровождал, кто ордер подписал, какой номер литеры, с детства память такая. Или вы думаете, что партия меня просто так на это место поставила?

– Ничего я не думаю, – буркнул Матюшин, вписывая в протокол даты. Там же он зачем-то отметил, что память у Лакобы отличная, хотел было зачеркнуть, но не стал. – Вы уверены, что письмо от Глафиры?

– Почерк её знаю, у буквы «р» она внизу чёрточку ставит наклонную, и много других примет имеется. Мне ведь надо подписи проверять, сличать с образцами, а если на такое внимание не обращать, граница как решето станет, любой сможет бланк взять и подписать. Вот ты сейчас пишешь, у тебя петелька у буквы «о» почти посерединке, у каждого своё отличие есть.

– Криминалист тоже подтвердил, что её письмо, – зачем-то сказал Матюшин, автоматически заноса и эти слова Лакобы в протокол, – хорошо, вот здесь распишитесь и дату поставьте.

– Что-то ты совсем плохой, – Лакоба наклонился, примериваясь ручкой к листу бумаги, – эй, гражданин следователь, ты что? Погоди умирать.

Матюшин прикрыл глаза, как ему показалось, буквально на секунду, а когда открыл, вокруг толпились люди, его вынесли на крыльцо и пихали под нос ватку с нашатырём.

Травин тоже чувствовал себя неважно. К Черницкой в пятницу он не пошёл, понадеявшись на Мухина и его чудодейственный массаж, но банщик только руками развёл.

– Нету Фомича, – сказал он, – может, случилось чего, только пацана уже и посылал к нему, а дома нету никого. Али уехал. Ты проходи, парок сегодня знатный, душу прочистишь, захочешь, веником тебя отхожу.

Душу Сергей прочистить попытался, залез на верхнюю полку, и там ему стало нехорошо, голова закружилась и сердце застучало сильно. Кое-как спустился вниз, остыл, сидя на скамье. На улице стемнело, фонари в Алексеевской слободе стояли редко, он шёл осторожно, обходя лужи. Возле забора остановился, привалившись к дереву, отдышался – всего-то четыре сотни шагов сделал, а казалось, что несколько километров бегом с полной выкладкой. В дом зашёл, когда дыхание полностью восстановилось, не хватало ещё детей пугать.

Насчёт Мухина были у него подозрения, и они окрепли, когда Лиза ему тетрадку показала.

– Вот, – сказала девочка, – смотри, поставила мне Варвара «хорошо». Она смешная такая сегодня была, начнёт что-то объяснять, а потом замолчит и в окно смотрит, и не ругала никого, даже Петьку Анохина, хотя надо было бы, он бумагой плевался. Школа завтра во вторую смену, можно мне с утра погулять? Ребята на торговую площадь идут, а потом вдоль стены по Запсковью, полкласса точно будет. Мы договорились у вас там встретиться, на площади, можно я у тебя на работе посижу до десяти? Я тихо-тихо буду сидеть, возьму учебник и портфель. Как мышка. И уроки я уже все сделала. Смотри, и прописи, и математику, и историю.

Так что утром в субботу они вышли из дома вместе. Лиза держала Травина за руку, в другой руке он нёс два портфеля – свой и воспитанницы, погода стояла пасмурная, тучи собирались тесными компаниями и решали, не намочить ли им этих людишек, снующих внизу. Окончательное расставание с Варей никак на его настроении не сказалось, наоборот, как только определённость появилась, мысли о ней словно отрезало. Не было желания узнать, что там у них с Мухиным, и неприятных эмоций от того, что она теперь с другим, он не испытывал.

Пока они шли к почтамту, Сергею показалось, что какой-то беспризорник уж слишком пристально на них смотрит, опасности он не почувствовал, но мальчишку запомнил и в голове отложил, просто по привычке. Вчерашняя одышка прошла не до конца, когда они дошли до дома 7 на Советской, Травин снова слегка запыхался.

На первом этаже Циммерман спорил с Зуровым из Островского райпочтамта. Ивану Мелентьевичу было за шестьдесят, в Пскове у него жила дочь.

– Вот, – Семён протянул Травину толстую папку, – наконец-то отчёт привезли.

– Задержался, потому что данных по выигрышному займу не было, кожевенные мастерские заказали, но только вчера оплатили, и щетиночная артель, а ещё монастырь купил, – объяснил Зуров. – Я Семёну Карловичу пытаюсь это втолковать.

– Хорошо, но в следующий раз, Иван Мелентьевич, заранее сообщите, а то я больше предупреждать не буду, – усмехнулся Сергей. – Заодно посмотрю, как у вас учёт налажился.

Зуров заверил, что с учётом теперь в Острове всё замечательно, и попытался сбежать, но Циммерман был начеку, подхватил старика под руку и повёл в отдельную комнату.

– Человек работает на почте, – говорил он Сергею, вертя в руках папиросу, – сегодня потратил два часа, чтобы добраться утренним поездом, который в багажном вагоне привёз письма из Острова, и теперь уедет только в три, вместо того чтобы прислать заказной бандеролью. Билеты счетоводам снесёт, компенсацию получит, жучила.

– Скорее завтра вечерним поедет, а сегодня с семьёй побудет, – Травин выпроводил Лизу на прогулку и занимался текучкой. – Ты скажи, что за история с этим займом?

– Их, собственно, для населения два, – Семён с сожалением поглядел на папиросу, засунул её в карман, – те, что у нас продаются. Остальные в банке, мы ими не занимаемся. Так вот, у нас один крестьянский, на три года, и второй индустриальный, на десять лет. Интересная ситуация, обычные люди берут индустриальный, артельщики и прочие нэпманы крестьянский, там процент такой же, а погашение раньше.

– Ты бы какой взял?

– Никакой, – Циммерман вздохнул, – до чего курить хочется, а Муся не разрешает. Ты, Сергей, когда женишься?

– Глядя на тебя – никогда.

– Это несправедливо, почему одни страдают, а другие... Эх... Так вот, индустриальный нам с тобой всё равно брать на червонец в месяц по разнарядке, и по три гривенника раз в полгода получать десять лет. Его по подписке распространяют, особо желающих-то нет свои кровные просто так выкладывать. А крестьянский для колхозников, они продукцию сдают, а им половину облигациями. Хочешь – не хочешь, а возьмишь. Казалось бы, крестьянский только

для выкупа сельхозизлишков должен пойти, но отчего-то берут его больше, чем обычно, и совсем не крестьяне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.